

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Мурманский арктический государственный университет»
(ФГБОУ ВО «МАГУ»)

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНЫХ ЭВФЕМИЗМОВ
В АНГЛО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ПАРОДИЙНОГО ТЕКСТА

Выполнил обучающийся
Зенов Егор Всеволодович
45.04.02 Лингвистика
Направленность (профиль)
Перевод и переводоведение
Очная форма обучения

Научный руководитель:
Копылов Андрей Васильевич,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков

Мурманск
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Политкорректность и пародия в современном мире. История, определение, классификация	6
1.1. Феномен политкорректности: определение, история, социокультурная роль	6
1.2. Политкорректная лексика в переводе: особенности, трудности, способы передачи	10
1.3. Пародия: понятие, типы, функции	20
1.4. Специфика перевода пародии.....	25
Выводы по 1 главе	31
Глава 2. Политкорректная лексика в произведениях Джеймса Финна Гарнера и ее передача в русском переводе	33
2.1. Семантическая классификация политкорректной лексики	33
2.2. Способы и стратегии перевода политкорректной лексики	36
Выводы по 2 главе	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	70
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	72

ВВЕДЕНИЕ

Политкорректная лексика, играющая важную роль в быте жителей западных стран, постепенно распространилась по миру и в некоторой мере стала и частью российской лингвокультуры – иногда укоренившись настолько, что мы сами не воспринимаем эти выражения как эвфемистические. Для этого в русском языке есть много продуктивных средств: суффиксы -оньк-, -еньк- и др., приставка не-, а также иноязычная терминология, которая при использовании смягчает отрицательную оценку. Иногда эвфемизмы оказываются метафоричны – они часто используются в журналистике, поэтому такие слова, как «проститься» и «ликвидировать», стали частью нашей повседневной жизни. Но если раньше эвфемия покрывала лишь такие табуированные темы, как смерть и секс, то в последние десятилетия она перешла и в сферу политики, социальных явлений и общественной жизни в целом. Политкорректность, связанная в равной мере как с появлением и последующим развитием движений за права меньшинств, так и изменением западного курса на более осторожный и терпимый ко всем слоям неоднородного населения, сформировала особый пласт лексики, в России получивший лишь ограниченное распространение. Таким образом, пародии на это явление могут показаться русскоязычному реципиенту непонятными или даже странными. **Актуальность** работы выражается в том, что явление политкорректности постоянно эволюционирует и требует дальнейшего изучения; произведения, рассматриваемые в диссертации, представляют новый взгляд на политкорректную лексику и ее перевод.

Стоит указать и на недостаточную изученность работ Джеймса Финна Гарнера: представляется, что в России они не получили широкой огласки именно из-за своей направленности, малопонятной для русскоязычной аудитории. Более того, анализ этих произведений предоставляет взгляд на политкорректную лексику, существовавшую уже в конце XX в., а также возможность предложить собственные переводческие трансформации, которые представляются наиболее удачными на сегодняшний день. Вместе с тем отсутствие канонического перевода дает шанс выбрать лучший вариант и предложить свой в том случае, если не имеется иного. При этом очевидно, что пародийный характер исходного текста не может не оказывать влияния на возможности его перевода на другие языки, учитывая как значение для перевода интертекстуальных аспектов пародии, так и то обстоятельство, что в случае с русским языком как переводящим языком мы имеем дело с ситуацией, когда пародируемое явление просто не представлено в принимающей лингвокультуре так же широко, как в исходной. Представляется, что указанные факторы нуждаются в серьезном исследовании.

Работа предлагает стратегию передачи английской ПК лексики применительно к переводу текстов, пародирующих политическую корректность, на русский язык. Стратегия основана на анализе имеющихся переводов трилогии Дж. Ф. Гарнера на русский язык, а также на основе собственных разработок автора, опирающихся на анализ соотношения английских ПК единиц и единиц русского языка, выполняющих аналогичную функцию, в русской лингвокультуре, но не обязательно воспринимаемых именно как политкорректные. Основной из этих функций является эвфемистическая. Достаточно близки к ней журналистские штампы (в функциональном отношении), направленные на придание большей изысканности стилю. Штампы выступают как перифраза.

Целью работы является выявление специфических особенностей перевода на русский язык англоязычных текстов, пародирующих политкорректность.

Для достижения цели необходимо решить ряд **задач**:

1. Рассмотреть определение, историю развития и социальную роль политкорректности;
2. Выявить характерные особенности английской политкорректности в русском переводе;
3. Рассмотреть значимые с переводческой точки зрения аспекты пародии;
4. Выявить специфику перевода пародийных текстов в целом;
5. Изучить политкорректную лексику в переводе текстов пародийного характера;
6. Охарактеризовать специфические особенности перевода произведений Дж. Ф. Гарнера на русский язык.

Объектом исследования являются политкорректные единицы в пародийном английском художественном тексте и их соответствия в русском переводе.

Предметом работы стали специфические особенности перевода политкорректных единиц с английского языка на русский язык в пародийных текстах.

Материалом исследования послужили произведения Дж. Ф. Гарнера, «Политически корректные сказки на ночь» и «Once Upon a More Enlightened Time», и их имеющиеся русские переводы.

Методы исследования:

1. Метод сплошной выборки;
2. Герменевтический анализ;
3. Предпереводческий анализ;
4. Метод сопоставительного анализа исходного и переводящего текстов (переводческий анализ).

Научная новизна выражается в обосновании особенностей перевода текста, пародирующего политкорректность, с английского на русский язык в рамках стратегий Л. Венути;

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при переводе текстов, содержащих политкорректную лексику, а также для сопоставительного анализа при работе с иными художественными произведениями, пародирующими политкорректность. Возможно использование результатов при написании учебных и методических пособий по лексикологии английского языка и теории и практике перевода, а также при подготовке лекционных и практических занятий по указанным дисциплинам.

ГЛАВА 1. ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ И ПАРОДИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. ИСТОРИЯ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ

1.1. Феномен политкорректности: определение, история, социокультурная роль

Говоря о политкорректности, стоит вспомнить о происхождении данного термина, чтобы, начиная работу, иметь четкое представление о его истоках и современном значении. Классическое определение из Политологического словаря-справочника звучит так: «Тактичное, общественно приемлемое отношение к различным политическим и общественным группам, исключающее всякую возможность дискриминации, оскорбления национальных чувств, ущемления достоинства, прав и свобод отдельных лиц или социальных групп по политическим, расовым, религиозным и пр. признакам» [Большая актуальная политическая энциклопедия, 2009].

Отметим, что в западной литературе предпочтителен термин «Politically correct», в то время как явление, «Political correctness», упоминается реже, о чем свидетельствует Кэмбриджский словарь, предлагающий два определения:

«Someone who is politically correct believes that language and actions that could be offensive to others, especially those relating to sex and race, should be avoided» и «A politically correct word or expression is used instead of another one to avoid being offensive» [Cambridge Dictionary, 2020].

Распространение политкорректности в Европе началось, как и в североамериканских странах, в конце XX в.: главными ценностями стран-членов Европейского союза были признаны идеалы свободы, демократии, человеческого достоинства, а также равенства и верховенства закона, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Государства-члены признают такие ценности, как плюрализм, недискриминацию, солидарность и равенство между мужчинами и женщинами [Treaty of Lisbon, 2007].

Тем не менее, в России, в девяностых годах переживавшей тяжелый период после распада СССР, такого рода политкорректность не укоренилась, поэтому, говоря об этом явлении в современном виде (учитывая сказанное в введении), мы подразумеваем именно англоязычный дискурс, анализу которого уделим особое внимание. Отметим, что отечественные авторы иногда и вовсе считают использование термина «политкорректность» неудачным, предлагая вместо него «языковой такт» [Тер-Минасова, 2000, с. 215].

Вспомним о еще одном ключевом для этой диссертации работе слове – «толерантности». Существующее во множестве научных дисциплин, оно в каждом отдельном случае предстает особенным, со своими оттенками. Т. В. Романова отмечает, что толерантность как лексическая единица с «ментальным», а не «биологическим, медицинским» значением является относительно недавним заимствованием, так как ее определение нельзя найти, например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. При этом исследователь говорит, что издание Большого академического словаря русского языка за шестидесятые годы относит слова «толерантность» и «толерантные» к устаревшим, обозначая их соответствующей пометой [Романова, 2015, с. 40]. В русском языке слово «толерантность» закрепилось уже к концу восьмидесятых годов, примерно в то же время, когда М. Горбачев провозгласил «новое мышление» – соответственно, с плюрализмом ценностей и размытостью этических норм в культуре, свойственным этой эпохе, в языке и закрепился «новый» термин.

Т. Романова также отмечает, что в точных науках термин «толерантность» актуализирует сему «устойчивость»: например, медицинская литература называет толерантностью «способность организма переносить воздействие определенного лекарственного вещества или яда без развития соответствующего терапевтического или токсического эффекта». С другой стороны, в гуманитарных науках «толерантность» актуализирует сему «терпимость», что связано с этимологией слова: например, в политологии толерантностью называют «терпимость по отношению к другим людям, отличающимся по их убеждениям, ценностям и поведению... Толерантная политическая культура обозначает уважительное отношение к любым политическим проявлениям, которые не противоречат соответствующему законодательству» [Романова, 2015, с. 40].

Уделим внимание международному представлению «толерантности», т.е. «терпимости», согласно 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года, в которой рассматриваемому понятию уделена целая статья: «... Терпимость – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность». В этой же статье: «... Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» [Организация Объединенных Наций, эл. ресурс]. Мы считаем эти выдержки из статьи особенно важными для понимания явления терпимости (толерантности), тесно связанного с политкорректностью в лингвистическом аспекте. Так, ООН признает терпимость «моральным долгом», ожидая от стран-участниц одинакового отношения к любому человеку в любой стране, вне зависимости от его взглядов на тот или

иной вопрос. Тем не менее, путем наблюдения можно отметить, что лингвистическая картина политкорректности в каждой стране своя, обладает национальной, историко-культурной спецификой, и относительно однородный языковой ландшафт можно увидеть лишь в западных странах, там, где политкорректность зародилась как явление и получила свое распространение в ходе долгих исторических процессов, которые идут до сих пор и сопровождаются неоднозначной реакцией общества как внутри, так и за пределами этих государств.

Переходя к теме эвфемии, заметим, что осторожное обращение с речью и использование эвфемизмов стали нормой только с недавних пор: сначала политкорректность зародилась в политических кругах США в семидесятых годах XX в. [Frank, 2004, p. 1-2], но тогда имела совершенно иное значение: используя слово «политкорректность», левые политики иронично отзывались о соперниках с «чрезмерно марксистскими взглядами». Важно отметить, что эволюция термина произошла уже в 90-х годах на волне смягчения расовых трений и признания гендерного равноправия. С тех пор «политкорректность» стала нормой американского общества, откуда и распространилась на другие страны Запада.

Интересно то, что за последние тридцать лет политкорректность, хоть и получив толчок для своего развития в западных странах, остается неоднозначным явлением [Пузаков, 2016, с. 119], и живущий в России человек может посчитать некоторые такие термины странными или ненужными. Связано это с тем, что в нашей стране лишь некоторые из них получили распространение благодаря СМИ. Так, из английского языка к нам пришли «афроамериканец», «гей» и «с ограниченными возможностями» [Пузаков, там же]. Ограниченный «политкорректный» вокабуляр россиянина ставит лингвиста, в особенности переводчика, перед сложным выбором: или он попытается перевести политкорректные выражения, основываясь на оригинальной идее автора, или будет использовать неполиткорректные по западным меркам выражения. Анализируя произведения Джеймса Финна Гарнера в русском переводе, мы узнаем, с какими трудностями столкнулся переводчик при передаче того или иного термина, с какими особенностями перевода он столкнулся, к каким решениям пришел и насколько это было обоснованно. Для этого необходимо подробно рассмотреть политкорректную лексику с лингвистической точки зрения, взглянуть на нее в аспекте перевода.

При этом не стоит забывать, что политкорректность на уровне лексики наблюдается практически во всех германских языках – такое мнение приводят некоторые исследователи [Асеева, 1999, с. 230], говоря о периоде конца XX – начала XXI в. Политкорректность оказывает непосредственное влияние на политическую культуру страны, на «социальный

климат», но что особенно важно для лингвиста – лексику, словоупотребление и даже грамматику. Хотя в диссертации речь пойдет о современном периоде, стоит отметить, что ученые приводят и более ранние примеры из немецкого языка – *wohlgeboren* и *hochwohlgeboren*. Подобная лексика был привилегией королевского двора, обычно она использовалась высокими государственными чинами [Базылев, 2007, с. 8-10], так как церемониальные формы речи были призваны подчеркнуть и прославить власть и могущество государя. Это видно в распространенном в современном немецком слове *hoeflich* (аналогичное не только английскому *polite*, но и более «возвышенному» *courteous*). Во второй половине XX в. в ГДР тоже произошли заметные лексические изменения: так, типичным обращением стало *Genosse*, а на партийных съездах участники обращались друг к другу на «ты», в то время как в обыденных ситуациях преобладало классическое «Вы».

Некоторые исследователи предлагают и более радикальные точки зрения на вопрос политкорректности: иногда это явление воспринимают как «навязывание широкой общественности новых социально-философских и морально-этических ценностей, подрывающих традиционные ценности» [Гаджиев, 2019, с. 210]. Автор называет политкорректность общественной цензурой, а язык, по его мнению, превращается в оруэлловский новояз – форму, призванную отвлечь внимание от острых, требующих решения проблем. Как заявляет Гаджиев, такого рода мутации приводят к выхолащиванию или даже потере самого духа либерализма.

Можно сделать вывод, что политкорректность неизбежно связана с общественной идеологией, социокультурными и политическими ориентирами. Значительную роль играет и смена политических систем (на примере послевоенной Германии, стремящейся отказаться от нацистского прошлого). Учитывая, что двадцатый век стал веком перемен, возникновения социальных движений, борьбы за права ущемляемых групп населения, произошли значительные изменения во многих пластах лексики. Некоторые из них значительны и закрепились (например, английское *Afro-American*, иногда употребляемое и в отношении людей из других стран), некоторые – являются предпочтительным вариантом (немецкое *Sinti und Roma*). Отметим и подавляющую частотность использования *du* вместо *Sie* и *De* в немецком и норвежских языках соответственно. Очевидно, что, несмотря на то, что политкорректность обычно касается меньшинств, маргинальных групп и незащищенных слоев населения, прослеживается она и в других аспектах языка – например, когда к ней прибегают для того, чтобы стереть рамки в менее очевидных с точки зрения эвфемии случаях: в частности, при трансформации местоимений, призванных стереть границы между служащим и начальником, клиентом и обслуживающим персоналом, бедным и богатым и т.д. Вероятно, стоит отталкиваться от того, что целью

политкорректности является «стремление покончить с социальной и расовой несправедливостью, защитить права человека» [Шляхтина, 2009] – явление приводит к изменениям в политических методах и терминологии. При этом не будем забывать, что некоторые представители научной среды оценивают политкорректность как отрицательное явление, в том числе и в США. Вспомним высказывание Ларри Саммерса, бывшего президента Гарвардского университета [The Weekly Standard, эл. ресурс]: «I'm somebody who believes very strongly in diversity, who resists racism in all of its many incarnations... But it seems to be that there is a kind of creeping totalitarianism in terms of what kind of ideas are acceptable and are debatable on college campuses. And I think that's hugely unfortunate. I think the answer to bad speech is different speech. The answer to bad speech is not shutting down speech».

Отметим и необычную сторону табуированных слов. Так, несмотря на табуированность многих определений, относящихся к представителям той или национальности (nigger, spic, dago, mick), внутри этих групп они лишаются негативного контекста, становясь не только общеупотребимыми, но и приобретая положительную коннотацию – слово, некогда используемое для притеснения определенной группы людей, теперь используется притесняемыми в ином контексте. Эти слова становятся не просто дозволенными; они могут выражать уважение, симпатию, привязанность [Aldridge, 2001].

1.2. Политкорректная лексика в переводе: особенности, трудности, способы передачи

Обращаясь к феномену политкорректности, стоит вновь вспомнить о его истоках. Хотя явление это молодое и не до конца сформировавшееся, на западе оно обладает собственными структурой и идеологией [Майба, 2012, с. 102]. Исследователь отмечает, что хотя язык политкорректности межнационален и встречается практически повсеместно, в разных странах он обладает характерными особенностями. Так, политкорректный язык англоговорящих стран будет значительно отличаться от того, что преобладает в России. На это указывают и другие филологи, отмечая, что большая часть эвфемистической терминологии в русском языке строится методом калькирования (полного или частичного); иногда доходит до того, что англицизм оказывается предпочтительнее более понятного русского слова – как, например, в случае с *sexual harassment* [Шляхтина, 2014, с. 172]. Хотя идеология политкорректности в целом считается «легко переводимой», стоит отметить, что представление о политкорректности в России остается смутным – случается так, что СМИ оперируют словом «политкорректный» в контекстах, где будет вернее говорить о такте, как

указывала Тер-Минасова, или нравственности. Например, так случилось, когда в эфире телеканалов показали смерть Муаммара Каддафи, и российские журналисты задались вопросом: политкорректно ли это? То же самое спросили и тогда, когда Хиллари Клинтон, посмотрев видео со смертью ливийского полковника, прокомментировала это словом «wow» [Бондаренко, 2012 с. 28]. Авторы также отмечают, что использование политкорректной лексики характерно в первую очередь для развитых экономических обществ, в которых проблема неравенства встает на первое место [Палажченко, 2004].

Останавливаясь на российской лингвокультуре, отметим, что политкорректность в нашей стране приобретает несколько иной оттенок, нежели в западных странах. В особенности это связано с тем, что за последние несколько десятков лет в нашем языке появилось множество интернациональных зависимостей (секьюрити, промоутер, менеджер, мерчендайзер). Вместе с тем использование заимствованной (и часто видоизмененной) терминологии помогает поднять престиж физически тяжелых или традиционно малопривлекательных профессий – например, уборщика и мусорщика, которых называют специалистами по клинингу, клининг-операторами и менеджерами по уборке/хозяйству. Слово «менеджер» приобрело особую популярность и используется универсально в отношении начальников, секретарей и даже уборщиков, придавая вес и значимость должности, потому что принято считать, что иностранное слово звучит более весомо, и, прибегая к нему, мы достигаем цели придания значимости данным профессиям. Мы часто говорим «с избыточным весом», избегая определения «толстый человек», называем нежирные продукты диетическими, а правительство идет на «непопулярные меры» вместо повышения цен. Идеология политкорректности в русский язык приходит или через прямые английские заимствования, или посредством создания соответствующих слов по аналогии, на основе ресурсов русского языка. Автор также отмечает, что нельзя избегать опасных тем, но стоит говорить о них по-другому, создавая другой языковой стандарт. В ходе развития этого процесса само понятие политической корректности меняется, наполняется новым содержанием, больше соответствующим российским культурным традициям [Бондаренко, 2012, с. 29-30].

Английская лингвокультура, однако, предлагает особый язык политкорректности, который меняет не только «словарь» как очищенный, правильный вариант языка, но и грамматический строй – в первую очередь местоимения (he как универсальное местоимение для обозначения человека) и суффиксы, используемые для обозначения лиц в зависимости от их профессии (вспомним неологизмы с аффиксом -on, среди которых можно отметить waitron, astron и другие, используемые вместо традиционных waiter и actor). Поэтому мы говорим о языке политкорректности как об особом строе языка со своими, свойственными

только ему лингвистическими особенностями, особняком возвышающимся над существующими «политическими диалектами». Несмотря на то, что еще до своей инаугурации будущий президент США Дональд Трамп заявлял, что политкорректность представляет для США «серьезную проблему» («the big problem this country has is being politically correct») [The Washington Post, эл. ресурс], спустя пять лет мы можем наблюдать лишь дальнейшее распространение политкорректности – представляется, что это полноценное языковое явление, на развитие которого невозможно повлиять политической программой. Такая ситуация особый интерес в рамках диссертации, так как в ее фокусе находится представление о политкорректности именно англоговорящего мира, обыгрываемое англоязычным автором. Хотя в работах, посвященных эвфемии, обычно приводится типичная цепочка «эволюции» термина на примере слова «Negro», приемлемом в конце XIX – начале XX вв., исследователь Арсентьева представляет интересную цитату из монографии профессора А. Юкера «History of English and English Historical Linguistics» [Арсентьева, 2011, с. 137]: «...Today, the term toilet has become associated with its new referent to such an extent that it is often replaced by other euphemisms such as bathroom, restroom...». Ситуация получается довольно комическая: слово «toilet», являвшееся эвфемизмом для пришедшего из позднего среднеанглийского «lavatory» (на самом деле тоже эвфемизма, обозначающего раковину), которое в свое время было единственным обозначением туалета в английском языке, теряет свои эвфемистические качества, уступая таким словам, как «bathroom», «restroom». Тем не менее, как заявляет профессор, на этом цепочка не заканчивается – и в последнее время вместо эвфемистических существительных мы приходим к таким словосочетаниям, как «to wash one's hands». Таким образом, будет справедливо представить следующую эвфемистическую цепочку, показывающую, что один эвфемизм последовательно заменяет другой:

Lavatory → Toilet → Restroom → To wash one's hands.

Вспомним и о русском языке: слово «уборная», хотя и не имеет пометы «устаревшее» в последнем издании словаря Ожегова [Ожегов, 2009], со временем было вытеснено общепринятым «туалет», которое, как и некоторые другие слова французского происхождения, плотно укоренилось в русском языке. Тем не менее, в нашем языке наблюдается похожая на западную тенденция, когда человек стесняется касаться «запретной» темы туалета напрямую, используя словосочетание «вымыть руки» [Никитина, 2009, с. 1581]. При этом если в английском языке «to wash one's hands» относится к так называемым «джентелизмам», термину англоязычной литературы, обозначающим эвфемизм книжного стиля, то в русском «вымыть руки» попадает в категорию разговорных эвфемизмов. Часто можно заметить и аббревиатурный эвфемизм WC (Water Closet),

отсылающий к международному стандарту, на дверях туалетов в России. Интерлингвальным эвфемизмом при этом является «May I please be excused?», в русском языке принимающее вид «Можно выйти?». Интересна еще одна эвфемистическая цепочка, показывающая изменение «illegal alien» – так как эта тема важна и на текущий день остается больной для мирового сообщества, взглянем на историческое изменение связанного с ней термина: illegal alien → illegal immigrant → undocumented immigrant → unauthorized immigrant / undocumented worker [Мирзоева, 2020, с. 376]. Так как для лексемы «alien» характерны такие семы, как «человек извне» или даже «экстратеррестриальная жизненная форма», наблюдается ее смягчение в сторону пока что нейтрального «immigrant» или даже «worker», хотя последнее представляется слишком конкретным и не передающим суть явления нелегальной иммиграции. Более того, отметим, что такие изменения в лексике связаны и с насущностью вопроса иммиграции, поэтому происходят они быстро, а единый вариант не успевает закрепиться. Представляется, что при этом в русском языке нормой считается переходное «нелегальный иммигрант».

Учитывая вышесказанное, стоит отметить, что в двадцатипятилетний период в английском языке произошел сдвиг в плане расширения следующих сфер: женской занятости, взаимоотношения полов, супружества и здоровья. При этом такие темы, как алкоголь и смерть, эвфемизмов не прибавили [Мирзоева, 2020, с. 375]. Эта ситуация интересна в контексте этой диссертации в том числе и потому, что русский язык тоже богат на «традиционные» эвфемизмы для таких табуированных тем, как алкоголь и смерть, но при этом их обсуждение в работах Дж. Ф. Гарнера практически не затрагивается, в то время как прибавившие в новых терминах сферы получают более широкое освещение. Это оказывается еще одной трудностью для переводчика: если «gone to a better place» можно перевести калькой «ушел в лучшее место», над трансформациями таких выражений, как *wommon* и *vertically challenged*, приходится задумываться – при этом важно не забывать поддерживать как задумку автора в целом, так и комический эффект пародии в частности.

Обращаясь к политкорректности как к идеологии, стоит отметить, что это явление полярно и предлагает однозначный взгляд на вопросы «добра» и «зла». На следующей схеме в левой колонке можно увидеть положительные ценности, в правой – их антиподы, которые политкорректность должна помочь преодолеть [Майба, 2012, с. 103]:

- Единство в разнообразии – Иерархичность
- Равноправие – Дискриминация
- Терпимость – Ненависть
- Уважение – Унижение
- Inclusiveness – Exclusiveness

Не имеющие точных эквивалентов в русском языке термины «Inclusiveness» (иногда переводимая как «инклюзивность») и «Exclusiveness» соответственно предполагают принятие разных людей, их традиций и обычаев или же их отчуждение. Считается, что преимущество «включающих» образовательных программ состоит в том, что учащийся воспринимает разные культуры и их достижения, воспринимая информацию без оценочности.

Для лучшего понимания политкорректности обратимся к термину «идеологема». Вспомним, что политкорректность – идеология, делящая явления, термины и определения условно на «хорошие» и «плохие». Интересно, что при этом и сама политкорректность является идеологемой, то есть непосредственно элементом большей системы. Во-первых, она выражает совокупность ценностей, принципов и установок, которые составляют суть данного движения. Во-вторых, положительная оценка политкорректности обнаруживается либо у сторонников данного движения, либо у людей, которые ему сочувствуют (в строгом научном дискурсе соответствующее слово используется нейтрально, и это естественно). В то же время противники политкорректности используют термин с ярко выраженной негативной коннотацией, как, например, в статье из «Гардиан», в заголовке которой, «How the BBC's dark forces of political correctness threaten the Christian era», специально использована метафора для усиления негативного эффекта. В конце статьи автор лаконично отмечает: «It's political correctness gone mad» [Robbins, 2011].

Кроме того, существует соответствующий лексический пласт, используемый для наименования предвзятости в отношении какой-либо группы. К этому пласту относятся наименования видов дискриминации, заканчивающиеся суффиксом -ism, например:

- Ableism – discrimination against disabled or handicapped people; дискриминация людей, страдающих болезнями или обладающих физическими или умственными недостатками;
- Sexism – discrimination on the basis of sex, especially the oppression of women by men; дискриминация на основе половой принадлежности, особенно притеснение женщин мужчинами;
- Heterosexism – a system of attitudes, bias, and discrimination in favor of opposite-sex sexuality and relationships; система установок, предубеждений и дискриминации в пользу разнополой сексуальности и отношений;
- Sizeism (sizism) – discrimination on the basis of a person's size, esp against people considered to be overweight; дискриминация на основе габаритов человека, особенно в отношении людей, рассматриваемых как полные;

- Elitism – the belief that society should be governed by a select group of gifted and highly educated individuals; вера в то, что общество должно управляться избранной группой одаренных и хорошо образованных людей;
- Classism – the belief that people from certain social and economic classes are superior to others; вера в то, что люди из некоторых социальных и экономических классов превосходят других людей;
- Lookism – discrimination against a person on the grounds of physical appearance; дискриминация людей на основе физического облика [Майба, 2012, с. 104].
- Ageism – unfair treatment of people because of their age; несправедливое отношение к людям из-за их возраста [Cambridge Dictionary, 2020];

Все представленное выше (список не исчерпывающий) – термины, принадлежащие к идеологемам политкорректности. Некоторые из них – например, дискриминация по языковому признаку (иногда называемая *linguagism*), – пока что не имеют своих определений в крупных словарях, поэтому в этом списке приведены не были. При этом словообразовательная модель с использованием *ism* не навязывает каких-либо оценок сама по себе – обратим внимание на термины *feminism* и *multiculturalism*, с точки зрения идеологии утверждающие положительные ценности.

Интересно, что тема как социальных, так и лингвистических оппозиций, пусть и менее очевидно, поднимается и в исследуемых пародиях Гарнера: у автора точно так же противопоставляются комичные добро, обычно представленное «политкорректными» протагонистами, и зло, показанное в образе «угнетателей»-антагонистов. Эта тема будет более подробно раскрыта в практической части работы, но уже сейчас скажем, что контраст между совокупностями ценностей является ключевым аспектом, который переводчик должен учитывать при работе с англоязычной пародией.

Упомянем также сложные существительные с частью *-phobia*, среди которых: *xenophobia* (неприятное отношение к иностранцам), *islamophobia* (враждебность или ненависть в отношении мусульман и арабов в целом), *homophobia* (неприятность к гомосексуалистам, убеждение в том, что гомосексуализм аморален и ненормален), *gerontophobia* (боязнь старости, ненависть или неприятность в отношении пожилых людей), *negrophobia* (ненависть к чернокожим) [Майба, 2012, с. 104]. Будет справедливо сказать, что суффиксы *-ism* и *-phobia* являются главными продуктивными суффиксами для создания собственной идеологии политкорректности. Более того, фобия, традиционно обозначающая в русском языке лишь «непреодолимый навязчивый страх» [Ушаков, 2008], в английском языке сейчас имеет два определения: «a type of anxiety disorder that involves an extreme fear of something» и относящееся к теме политкорректности «an extreme fear or dislike of a

particular thing or situation, especially one that is not reasonable» [Cambridge Dictionary, 2020]. Так как само слово имеет негативную коннотацию, его использование в качестве суффикса в той или иной мере помогает сопутствующей политкорректности идеологической борьбе заведомо «хорошего» и «плохого».

Отметим, что оценка явления часто формируется благодаря метафорам, используемыми при обсуждении того или иного негативного с точки зрения политкорректности явления. Например, так звучит призыв ООН: «Let's fight racism!» [United Nations, эл. ресурс]. Негативная оценка усиливается благодаря использованию словосочетания «let's fight», и метафора войны лишь подчеркивает важность проблемы. Прием персонификации позволяет представить расизм врагом, для победы над которым нужно объединиться. Еще Дж. Лакофф в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» отмечал, что спор, каким бы он ни был, всегда отсылает нас к войне (спор – это война) [Лакофф, 2004, с. 101], и в ситуации с политкорректностью мы представляем спор между двумя скрытыми в предложении «Let's fight racism!» агентами – противниками расизма и его сторонниками, потому что расизм как явление не может существовать без его поддержки со стороны общества, представленного конкретными индивидами. Рассмотрим еще один пример: Всемирная ассоциация молодых христианок (World Young Women's Christian Association) продвигает кампанию против расовой дискриминации под лозунгом «Stand Against Racism» [Stand Against Racism, эл. ресурс]. Мы вновь сталкиваемся с метафорой, выраженной словосочетанием «to stand against». Трактующийся как «to oppose someone or something, especially in a brave or determined way» [Macmillan Dictionary, эл. ресурс], этот фразовый глагол часто используется в сочетании с терминами с негативной коннотацией, как в примере, указанном в словаре: «We must stand against the evil forces that are threatening our country». Так, мы представляем расизм неким проявлением зла, темной силой, с которой необходимо бороться. Оценка конкретных идеологем осуществляется с точки зрения ядерных ценностей политкорректности. Достаточно одного факта, что мы имеем дело с видом дискриминации, чтобы признать слова или действия непolitкорректными, однако эта оценка получает выражение или подкрепление в других компонентах текста, что делает ее эксплицитной, явной, а, значит, доступной для исследования [Майба, 2012, с. 106].

Как уже было отмечено ранее, «политическая корректность» не всегда признается универсальным обозначением – некоторые филологи предлагают такие названия, как «культурная корректность» и «языковой такт». Это отражается и в том, что в англоязычных странах аппарат политкорректной лексики сформирован, обозначен, он хорошо передает оттенки значения [Шляхтина, 2014, с. 171]. Такие широко используемые в русском языке термины, как расизм и национализм, теперь дополнены вышеупомянутыми словами с

окончанием -ism, среди которых сексизм (sexism), лукизм (lookism) и эйджизм (ageism). Так как часто подобная терминология непонятна русскоязычному рецептору, транскрипция обычно сопровождается описательным переводом: дискриминация по половому признаку, дискриминация по внешнему виду, дискриминация по возрасту. При этом некоторые виды дискриминации переводятся только описательно, среди них: shortism (дискриминация людей маленького роста), heightism (дискриминация очень высоких людей), sizeism, fattism, weightism (все – дискриминация полных людей), ableism (дискриминация по состоянию здоровья) и ряд других.

Такая же проблема существует и при переводе производных прилагательных от данных единиц со значением «человек, дискриминирующий другого человека по какому-либо признаку». Расист, националист и сексист уже закрепились в языке; в остальных случаях мы снова прибегаем к описательному переводу: lookist – человек, дискриминирующий на основе внешних данных, heterosexist – человек, дискриминирующий гомосексуалистов.

Хотя дискриминация и является одной из главенствующих тем политкорректности, трудности встречаются в том числе и при переводе других понятий, заставляя нас вновь обратиться к описательному переводу: reverse discrimination (дискриминация по отношению к национальному большинству), black studies / Native American studies (курс занятий, посвященных изучению истории и культуры темнокожего населения или коренного населения Америки), hate crime (преступление на почве ненависти). Выражение hate speech, тесно связанное с последним понятием, используется в русском языке нечасто; англо-русский перевод отсутствует в крупных словарях (например, Кэмбриджском), хотя это словосочетание крайне популярно в англоязычном сегменте интернета (18,9 млн. результатов в Google), поэтому обратимся к словарю Multitran, который предлагает множество примерных соответствий: язык вражды, ксенофобские высказывания, мотивирующие ненависть выступления, агрессивные высказывания, язык ненависти [Multitran, эл. ресурс]. Наиболее приближенные к оригиналу переводы, чаще всего встречающиеся в интернет-статьях, это «язык вражды» и «язык ненависти» с 40 тыс. и 12,5 тыс. результатов соответственно [Google, 2018].

Еще один способ перевода, который часто оказывается единственным возможным решением – калькирование, преследующее две основные задачи: адекватно передать значение слова или словосочетания и сохранить смысл, при этом не противореча идеологии политической корректности [Дьякова, 2011, с. 114]. Преимущества и недостатки калькирования подробно рассматриваются в курсах теории перевода и письменного перевода, но вспомним, что калькирование позволяет передать смысловое содержание

реалии, не увеличивая объема текста, однако его возможности ограничены: калька может быть использована лишь тогда, когда у переводимой единицы есть составляющие и их сочетание мотивировано.

Так как большую часть политкорректной лексики составляют словосочетания, их можно разделить на двухкомпонентные (простые) и многокомпонентные (сложные). К двухкомпонентным относятся, например: *animal companion*, *queen size*; к многокомпонентным: *consistent experiences of discrimination*, *substance abuse survivor* [Дьякова, 2011, с. 115].

Поскольку сочетание составляющих выражения *animal companion* (используемого для подчеркивания равноправия животных в мире) мотивировано, будет целесообразно прибегнуть к калькированию. Меняется лишь порядок калькируемых составляющих, поскольку вариант «компаньоны-животные» является более благозвучным, чем «животные-компаньоны». Аналогична ситуация с выражением *queen size*, передаваемого на русский уже частым словосочетанием «королевский размер». Русское соответствие, вопреки ожиданиям, оказывается даже политкорректнее исконной английской единицы, т.к. русское «королевский» значит и «относящийся к королю» и «относящийся к королеве».

В случае с многокомпонентными словосочетаниями, такими как *consistent experiences of discrimination* (постоянные случаи дискриминации) и *unrealistic standard of feminine beauty* (навязываемый стандарт женской красоты), составляющие переводимых единиц мотивированы, что позволяет передавать их значения с помощью покомпонентного перевода. В словосочетании *unrealistic standard of feminine beauty* компонент *unrealistic* не переводится дословно: нереальный или нереалистичный. Вместо этого используется слово *навязываемый*, наиболее приемлемое в соответствующем языковом окружении.

Обратим внимание на недостатки калькирования, в частности – невозможность калькирования в ситуации, когда целевой язык не обладает адекватными грамматическими структурами, например: выражение *of different interests*, заменяющее слово *lazy*. Переводя словосочетание, используя калькирование, мы обнаружим, что значение переводимой единицы окажется не совсем раскрытым, поэтому мы прибегаем к добавлению, а также дополняем вариант перевода сносками либо комментариями: *of different interests* – индивидуум с иными интересами (политкор. для «*lazy*» – «ленивый»).

Отметим, что калькирование хоть и является одним из самых распространенных способов перевода политкорректных выражений на русский язык, универсальным его назвать нельзя, потому что всегда приходится брать в расчет мотивированность полученных выражений и словосочетаний.

Транскрипция – формальное фонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка – тоже является способом передачи политкорректной лексики на русский язык, например: In 2014, the terrorist group DAESH began to seize territory in Syria and Iraq... / В 2014 году террористическая группировка ДАИШ начала захватывать территории в Сирии и Ираке...

«ДАИШ» – эвфемизм, придуманный СМИ и политиками с целью заменить аббревиатуру ИГ или ИГИЛ, т. е. Исламское государство, Исламское государство Ирака и Леванта, так как в этой аббревиатуре присутствуют слова «ислам, исламский», что дискредитирует саму религию, не имеющую отношения к терроризму и насилию [Самарина, 2017, с. 164].

Отметим также транскрибирование с элементами транслитерации, например: business class (пассажирский класс) – «бизнес-класс», gay – «гей», ableism – «аблеизм» [Пузаков, 2016, с. 131].

Модуляция (смысловое развитие), то есть замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесенных слов в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями. Пример: I walked door-to-door to find out how many children with disabilities couldn't go to school... / Я ходил по разным инстанциям, чтобы выяснить, сколько детей с ограниченными возможностями не смогли пойти в школу...

Иногда переводчику, занимающемуся переводом политкорректных терминов, придется прибегнуть и к антонимическому переводу. Рассмотрим термин zero tolerance policy, то есть строжайшее соблюдение определенного свода правил в, например, учебном учреждении, при нарушении которого, вне зависимости от обстоятельств и причин подобного поведения, ученика может ждать самое серьезное наказание, вплоть до исключения. Интернет-словарь предлагает следующие варианты перевода: политика нетерпимости и политика неприятия (указан как менее частотный перевод) [Linguee]. При этом Е. В. Шляхтина считает, что наиболее приемлемым вариантом перевода будет политика абсолютной нетерпимости, аргументируя это тем, что, путем добавления элемента «абсолютный» и использования антонимического перевода, достигается передача основного значения термина, а именно отстаивание жесткой позиции в отношении некоторых неприемлемых социальных явлений. Так, zero tolerance policy against racial discrimination можно интерпретировать как политика абсолютной нетерпимости в отношении расовой дискриминации. Как отмечает автор, у дословного перевода, политика

«нулевой терпимости», есть большой недостаток: он требует дополнительных комментариев [Шляхтина, 2014, с. 174].

1.3. Пародия: понятие, типы, функции

Определение термина «пародия» не всегда однозначно и всеобъемлюще. В разное время авторы словарей представляли его по-разному, поэтому рассмотрим то, как слово изменялось со временем.

Толковый словарь Ушакова [Ушаков, 2008] предлагает следующее определение: «Сатирическое произведение в прозе или в стихах, комически имитирующее, высмеивающее какие-нибудь черты других литературных произведений», а также «Внешнее, неудачное подражание чему-нибудь, комически искажающее образец. Что-нибудь настолько искаженное, настолько непохожее на то, чем должно быть, что представляется насмешкой, карикатурой». Автор словаря предлагает традиционное понимание пародии, актуальное для нашего времени, но все же посмотрим, как другие составители представляют рассматриваемый термин.

В толковом словаре Ожегова [Ожегов, 2009] определение «пародии» выглядит следующим образом: «комическое или сатирическое подражание кому-чему-н.». Авторы предлагают похожее, но несколько сокращенное определение, похожее на то, что мы видели в словаре Ушакова. Тем не менее, нам оно представляется недостаточно полным.

Современное издание за авторством Русовой [Русова, 2004] тоже предлагает лаконичное и однозначное определение: «пародия (греч. *parodia* букв. песня наоборот – произведение, подражающее другому произведению с целью его осмеяния». Вместе с этим в словарной статье приводится цитата доктора филологических наук М. Я. Полякова, превосходно передающая, на наш взгляд, не только идею пародии вообще, но конкретно книги Гарнера: «Пародия – своеобразная форма литературного самосознания. В истории литературы специфическая роль пародии проявляется хотя бы в том, что особой насыщенностью и энергией пародийного творчества отличаются те периоды в истории литературы, которые мы можем назвать эпохами культурного перелома». Действительно: уже в 1994 году, в период становления политкорректности в западном мире, когда было написано произведение Гарнера, автор понимал, что смена курса с однозначных терминов на вуалирующие символизирует смену одной эпохи на другую. Возможно, писатель даже не предполагал, как серьезно политкорректность отразится на западном обществе, потому что за двадцать четыре года с момента написания книги представление о том, какое слово

является общепринятым, значительно изменилось. То, к чему автор относился с юмором и с иронией при написании своей работы, в западном мире стало настолько запретной темой, что, возможно, современное общество восприняло бы литературные попытки Гарнера высмеять явление политкорректности как нечто оскорбляющее тех, кто борется за права той или иной социальной группы или просто использует эвфемизмы в попытке разбить границы между разными людьми.

Г. И. Лушникова в своей статье в «Вестнике Томского Государственного университета» рассуждает на тему литературных пародий, обсуждение которых и идет в данной работе, с разных перспектив – с точки зрения временного фактора выделяются следующие типы пародии [Лушникова, 2011, с. 16-17]:

1. Авторы пародии и пародируемого объекта являются современниками. Речь идет, например, о пародиях У. Теккерея на Б. Литтона и Ч. Левра, Г. Уэллса на Э. Хемингуэя. Данный тип непостоянен, и те пародии, что под него попадают, может ждать различная судьба – люди могут как забыть о самой пародии (пародии на произведения мировых писателей остаются интересны в основном для изучения литературоведами), так и о пародируемом объекте (как в случае с «Дон Кихотом», превратившимся из пародии на рыцарский роман в самостоятельное произведение). Джейн Остин, пародировавшая романы Анны Редклиф, всемирно популярна, в то время как Редклиф читают в основном лишь знатоки литературы.

2. Авторы пародии пародируют произведение предшествующих эпох. В этом случае автор пытается переосмыслить работы прошлого, но не дискредитировать их, а скорее дать пищу для размышлений, потому что классические рукописи продолжают жить в веках. Возникновение подобного вида пародий свидетельствует о непрекращающемся интересе к данным произведениям, о том, что новая эпоха требует новых прочтений. Так, к этому виду пародий относятся работы Бр. Гарта, пародирующие Ф. Купера, Т. Худа Младшего на Э. По и др.

3. Автор пародии пародирует современное литературное либо социальное явление, используя средства и формы произведений предшествующих эпох. Таким образом, соединяются разные произведения, разные авторы, разные эпохи. В данном случае произведения мировой литературы используются как для авторитетности, так и для создания литературной и языковой игры. Авторы таких произведений проникают в стиль используемого произведения настолько, что в пародии прослеживаются и черты и произведения, и пародируемого явления. В качестве «строительного материала» часто используются сказки – они легко узнаваемы читателями.

Интересно то, что рассматриваемые в данной работе произведения Гарнера попадают как под второй, так и под третий тип пародии. Писатель не только переосмысливает общеизвестные сказки (тип 2), но и обращается к современному явлению (тип 3) при их рассмотрении.

В зависимости от целей пародирования Г. И. Лушникова выделяет два типа пародии [Лушникова, 2011, с. 17-18]:

1. Критическая, дискредитирующая, негативная пародия. К данному типу относятся пародии, обычно написанные современником пародируемого автора с целью высмеять слабое в литературно-художественном плане произведение. Эти пародии, получившие распространение в Англии XIX в под названием «broad parody» («грубая пародия»), нацелены на высмеивание подлинника. Как отмечает В. Янкелевич, «такого типа пародии более комедийны, чем философичны». Они пишутся на злобу дня, поэтому часто подобные пародии, как и произведения, которые они высмеивают, быстро забываются. Так случилось с пародистом Ивановым, в 80-е года XX в. высмеивавшем стихи современных ему поэтов, практически не имевшие художественной ценности. Сейчас забыты и стихи, и пародии на них.

2. Синтезирующая, возвеличивающая, хвалебная пародия. Функция этой пародии не сводится к критике; пародист смеется над объектом, но не дискредитирует его. Это юмористическая пародия, близкая к комической стилизации. «Веселая критика» сохраняет уважение к прототексту, комически критикует его, но способствует его славе и даже укрепляет ее. А. Я. Ливергант отмечает: «... доброжелательная пародия не избегает насмешливого отношения к оригиналу, но за внешней «непочтительностью» вполне отчетливо проступает уважение к своему прототипу, новая организация материала не только не отменяет старой, но... подчеркивает ее добротность и устойчивость» [Цит. по: Лушникова, 2011, с. 17-18]. Чем более знаменит автор, тем больше на него пародий. В разные эпохи возникает потребность по-новому интерпретировать тот или иной факт, в том числе и по-новому его пародировать.

Рассматриваемые в диссертации книги, очевидно, попадают под первый тип пародий. Отметим, однако, что автор высмеивает вовсе не автора и не бессмертные сказки, а социальное явление политкорректности. Таким образом, гротескное представление о «Трех Поросятах» и «Принцессе на Горошине» переносит нас в осовремененный мир поучительных, казалось бы, произведений, представленных с совершенно неожиданной стороны.

В зависимости от объекта пародирования существует четыре типа пародии [Лушникова, 2011, с. 18-20]:

1. Пародия на литературу, разделенная на несколько подтипов:

а) на отдельное произведение. Произведений данного подтипа не так много, но среди них можно отметить следующие: работа Т. Худа Младшего «Ravings», пародирующая «Ullalum» Э. По, его же пародия «Ravins's of Piute Poet Poe» на «Raven» Э. По, а также «School of Widle» Дж. Сквайра на произведение О. Уайльда «The Importance of Being Earnest»;

б) на стиль автора. Такого рода пародии многочисленны. К ним относятся: пародии М. Бирбома на стиль Г. Уэллса и Дж. Голсуорси, Бр. Гарта на Ф. Купера, У. Гиббса на Э. Хемингуэя;

в) на литературный жанр. Среди них можно выделить пародии Дж. Сквайра на эпические поэмы, Дж. Мортонна на детективный жанр. Ст. Ликока на рыцарский, приключенческий и фантастический романы, Т. Пратчетта на жанр фэнтези;

г) на литературное направление. Например, пародии Р. Бенчли на школу американского натурализма («Family life in America»), Дж. Остин на сентиментальный и готический романы («Northanger Abbey»), Набокова на постмодернизм («Despair»).

Основываясь на данной классификации, книгу Дж. Гарнера невозможно отнести к какому-либо из представленных выше типов пародии, так как автор пародирует не литературное произведение, а социальное явление.

2. Пародия на другие типы искусства, среди которых музыкальные пародии, пародии на песни, пародии в живописи, кинофильмы-пародии.

3. Речевая пародия:

а) Пародирование определенного стиля или его разновидностей: научного, публицистического, стиля СМИ, канцелярского и др. К первому относится произведение «1066 and All That», пародирующая манеру изложения исторических текстов. Ст. Ликок пародирует научный медицинский стиль в своей работе «A New Pathology». Р. Бенчли высмеивает стиль историко-литературоведческих и лингвистических комментариев («Shakespeare Explained»);

б) Пародирование определенного речевого акта. В таких пародиях речевые акты намеренно искажаются, что приводит либо к сбою в коммуникации, либо они искажаются таким образом, чтобы показать несостоятельность слепого следования построениям речевого акта;

в) Пародирование речевых особенностей представителей определенных социальных, профессиональных, диалектных, возрастных групп;

г) Пародирование конкретных политических или общественных деятелей. Типы в и г представлены в основном эстрадными пародиями. Оба встречаются и в литературных пародиях.

4. Пародирование социальных явлений: политический строй (Л. Кэрролл, Т. Пратчетт), социально-политические институты (Ст. Ликок, Т. Пратчетт), традиции, обычаи и ритуалы (Ст. Ликок, Т. Пратчетт), особенности национального менталитета (Ст. Ликок, Дж. Гарнер). В данном виде пародий имеет место практическое взаимодействие социально-исторической действительности с литературно-художественным произведением.

Так, в рассматриваемое в данной диссертации произведение Дж. Гарнера, пародирующее политкорректность и эвфемии как социальные явления, относится именно к 4 типу пародии: каждая сказка, представленная в книге авторе, отсылает нас к действительности и пародирует политический строй («The Three Little Pigs»), благотворительность как социальный институт («Rapunzel») и другие явления, характерные для четвертого типа.

В зависимости от четкости границ жанра можно также выделить три типа пародии [Лушникова, 2011, с. 20]:

1. Эксплицитная пародия – жанр обозначен автором пародии.
2. Имплицитная (амбивалентная) пародия – жанр не обозначен автором, намерения автора не могут быть декодированы однозначно. Для отнесения произведения к данному типу необходимы историко-литературные подтверждения – например, свидетельства самого автора в черновиках, дневниках, комментариях и т. д. Иногда произведения воспринимаются как пародии лишь по прошествии некоторого времени – так, например, произошло с готическими новеллами Э. По, которые в настоящее время трактуются некоторыми критиками как пародии на готические новеллы ужасов.

3. «Экс пародия», когда произведение перестает восприниматься как пародия – например, «Дон Кихот» М. Сервантеса, написанный как пародия на рыцарский роман, а также «Нортэнгерское Аббатство» Дж. Остин, пародирующее готический роман.

Очевидно, что работа Дж. Гарнера относится к первому типу пародий – автор вполне однозначно говорит о своих намерениях в самом названии произведения.

В зависимости от ведущей функции выделяются два типа пародии [Лушникова, 2011, с. 20]:

1. Если функция пародии – высмеивание формы, равно сильных и слабых мест, речь идет о пародии как о литературной шутке, литературной игре. Для создания такого типа пародии необходим предварительный лингвостилистический анализ пародируемого объекта с последующим использованием наиболее характерных черт в пародии, где они

подвергаются существенным преобразованиям с тем, чтобы быть замеченными (чрезмерный повтор, гипербола, стилистические смещения и т. д.).

Если в пародии представлено авторское видение действительности, то она обладает элементами как филологического, так и социально-исторического вертикального контекста. Эксплицитно или имплицитно автор выражает свою точку зрения (в форме веселой критики) на точку зрения кого-то (пародируемого) на какой-то фрагмент действительности.

2. Если функция пародии – высмеивание наряду с формой и содержания, каких-то элементов культурно-исторического фона, тогда речь идет о пародии как значимом жанре, произведения которого могут влиять на мировосприятие, мировоззрение той или иной культурной общности и даже могут играть определенную роль в смене каких-то элементов сознания индивидов.

Очевидно, что анализируемые произведения Гарнера в первую очередь попадают под второй тип пародии, однако обратимся и к первому типу, потому что в нашем случае он тоже вызывает интерес. Несмотря на то, что автор высмеивает культурное явление, некий стандарт, свойственный обществу, на секунду представим эвфемию и политкорректность как «форму», описываемую в первом типе пародии, литературное явление, влияющее на лексикон и манеру использования терминов. Действительно, гротескное представление политкорректности, наблюдаемое в работе автора, при этом поддерживается такими приемами, как чрезмерный повтор и избыточное обращение к терминам, т. е. автор высмеивает не только социальное явление, но и его лексические, стилистические особенности, создавая абсурдную, преувеличенную социально-лингвистическую картину, в центре которой находится эвфемия.

1.4. Специфика перевода пародии

Остановившись непосредственно на переводе пародии, стоит вспомнить, что некоторые из переводов классических пародийных произведений стали каноническими, поэтому их ценность для диссертации неоспорима. В первую очередь стоит обратить внимание на перевод «Алисы в стране чудес» Владимира Набокова (в интерпретации автора – «Аня в стране чудес»), представляющего на самом деле глубокую работу по локализации произведения, к чему нас и подводит русское название романа. Работа Кэролла, полная, как и большинство пародий, аллюзий, ссылок как на личностей англоговорящего мира, так и на его явления (вспомним, например, пословицы: «mad as a hatter»), представляет для переводчика особую сложность. Обратимся к комментарию Н. М. Демуровой для того,

чтобы отметить релевантные особенности перевода, непосредственно связанные с работой Гарнера. Во-первых, стоит отметить, что русскому читателю часто будут непонятны отсылки, которыми изобилует работа английского автора. Так, мы никогда не поймем символичность образов Шляпника и Зайца, не вспомнив о современных Кэроллу поговорках: «mad as a hatter» и «mad as a March hare» [Кэролл, 1992, с. 22]. При этом Набоков не стремится раскрыть происхождение этих образов, на которых и строится ассоциативный ряд англичанина, немедленно воспринимающего Шляпника как персонажа поговорки, олицетворенного в художественном образе, а скорее передать общую, и без того безумную, непонятную, абсурдную атмосферу Страны чудес. Стоит отметить, что переводчик понимал, что его перевод в первую очередь нацелен на детскую аудиторию, и те «сила и накал», свойственные молодому Набокову, видны в определениях сказуемых, которые он использует: Кролик «семенит», Алиса «срывается вихрем», Гусеница «взвивается на дыбы», Голубь «взвизгивает». Как отмечал сам писатель, русский язык передает не хуже английского, а то и лучше, «телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, оттенки природы, все нежно-человеческое, а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное» [Цит. по: Кэролл, 1992, с. 25]. И хотя со времени выполненного Набоковым переводом прошло довольно много лет, его, несмотря на недостатки в передаче глубине смысла, заложенного Кэроллом-математиком, и то, что критики (например, Е. Эткинд) говорят о ранних переводах как о переносе в «... нелепую англизированную Россию» [Цит. по: Кэролл, 1992, с. 21], по-прежнему считают очень достойной работой. Эткинда возмущал подход ранних переводчиков к переводу стихотворных пародий, основанном на пушкинских произведениях, но это не совсем справедливо: российские дети едва бы смогли понять отсылки к английскому оригиналу.

Стихотворные пародии «Алисы в стране чудес», как, например, моралистическое произведение Роберта Саути «Папа Вильям», переосмысленное Кэроллом, в переводе отсылают нас к Лермонтову («Казачья колыбельная», «Бородино») и Пушкину («Песнь о Вещем Олеге»), и такая русификация, вероятно, апеллирует к русскому читателю любого возраста. Мы считаем, что это вполне справедливый переводческий подход, который наполняет текст особой эмоциональностью, сохраняет комические, несколько безумные особенности оригинала, знакомит юного читателя, держащего в руках перевод Набокова, с аллюзией как стилистическим приемом, очень характерным для пародии. Рассмотрим это более подробно на примере первого четверостишия «Father William»:

"You are old, Father William," the young man said,
"And your hair has become very white;

And yet you incessantly stand on your head—

Do you think, at your age, it is right?"

Интересно, что пародия в оригинальной «Алисе» отсылает нас к переосмысленной версии настоящего «Папы Вильяма», в переводе – к работе стороннего автора, М. Ю. Лермонтова:

- Скажи-ка, дядя, ведь не даром

Тебя считают очень старым:

Ведь, право же, ты сед

И располнел ты несказанно.

Зачем же ходишь постоянно

На голове? Ведь, право ж, странно

Шалить на склоне лет!

Удивительно то, что Набоков, обращаясь к стихотворению Лермонтова, не просто передает смысл «Папы Вильяма», но и создает аналогичный визуальный образ, соблюдая при этом особенности стихосложения, свойственные «Бородину», сохраняются в практически изначальном виде: чередование четырех- и трехстопного ямба присутствует и в переводе.

Интересно и то, как культурно-исторические факты преобразуются под пером Набокова. Обратимся к третьей главе «Алисы в стране чудес», в которой Мышь (Mouse), «фигура авторитетная», пытается найти способ для того, чтобы помочь животным, в компании которых она является лидером, высушиться. Чтобы это сделать, животное рассказывает «самую сухую вещь», которую оно только знает. В оригинале она говорит следующее:

«William the Conqueror, whose cause was favoured by the pope, was soon submitted to by the English, who wanted leaders, and had been of late much accustomed to usurpation and conquest. Edwin and Morcar, the earls of Mercia and Northumbria— Edwin and Morcar, the earls of Mercia and Northumbria, declared for him: and even Stigand, the patriotic archbishop of Canterbury, found it advisable—found it advisable to go with Edgar Atheling to meet William and offer him the crown. William's conduct at first was moderate. But the insolence of his Normans—».

Отсылка к Нормандскому завоеванию – событие общеизвестное для любого британца, – обрастает «скучными» фактами, в нем фигурируют имена графов, архиепископа, их действия, поведение. Вероятно, сейчас этот исторический факт известен и большинству россиян, но в своем переводе Набоков прибегнул к довольно радикальной доместикации. Рассмотрим трансформацию подробнее:

«Утверждение в Киеве Владимира Мономаха мимо его старших родичей повело к падению родового единства в среде киевских князей. После смерти Мономаха Киев достался не братьям его, а сыновьям и обратился, таким образом, в семейную собственность Мономаховичей. После старшего сына Мономаха, очень способного князя Мстислава... очень способного князя Мстислава, в Киеве один за другим княжили его родные братья. Пока они жили дружно, их власть была крепка; когда же их отношения обострились... обострились, то против них поднялись князья Ольговичи и не раз силою завладевали Киевом. Но Мономаховичи в свою очередь...». Интересно, что Набоков приводит столь же известный, как Нормандское завоевание для британца, для русского читателя факт – воцарение Владимира Мономаха. При этом аналогия между исходным текстом и переводом на этом не заканчивается. Переводчик не только выбирает важное для Руси событие, произошедшее примерно в тот же период, но и проводит аналогию между нестабильным периодом в истории Британии и нашего государства, когда власть переходила из рук в руки. Мы не только считаем данную трансформацию обоснованной (вероятно, во времена создания перевода факт Нормандского завоевания был малоизвестен), но и полагаем, что переводчик сохранил юмористический эффект – школьные исторические факты действительно считаются чем-то скучным и неинтересным для большинства учащихся.

Отметим те особенности перевода, которые важны для работы Гарнера. Во-первых, пародирование, как и в случае с произведением Набокова, облегчает то, что тексты сказок хорошо известны русскому реципиенту. Их модификация в русле политической корректности позволяет обойтись без дополнительных ссылок на политкорректность как явление исключительно современного мира. Более того, мы столкнемся с похожей русификацией (хоть и не столь радикальной) – трансформацией, необходимой для того, чтобы исключительно западные явления воспринимались русскоязычным читателем столь же полно, сколько и англоговорящим.

Интересное мнение о пародии можно найти в сочинении Ю. Н. Тынянова из сборника «Поэтика. История литературы. Кино», увидевшего свет в 1977 году: классическое определение пародии как «сочинения, сделанного на какое-нибудь серьезное произведение», устоявшееся в XIX в., на самом деле не выдерживает проверки временем: факты указывают на то, что цель пародии не всегда заключается в достижении комического эффекта. Пародироваться может не только какое-то произведение, но и его аспекты, черты – так, К. С. Аксаков в своем произведении «Олег под Константинополем» пародирует саму виртуозность [Тынянов, 1977, с. 285], т.е. такие стихи сами по себе требуют тонкого литературного зрения. Виртуозность превращается в изысканность, а та в свое время – нарочитость.

Даже в комических пародиях, как отмечает автор, дело не всегда в «комическом», ведь, вспомнив такую работу шестнадцатого века, как «Письма темных людей», мы заметим, что главный ее эффект выразался вовсе не в возможности рассмешить, позабавить читателя, а обмануть – так, что приверженцы схоластики даже восприняли ее всерьез. Таким образом, устоявшееся определение, «намерение обернуть в смешную сторону», просто нерелевантно в отношении некоторых пародий. Даже если мы заменим «смешное» на «комическое», возникает вопрос: в комизме ли дело? При каких обстоятельствах, при каких условиях, для кого пародия будет комической?

Более того, «направленность на какое-то произведение» – формулировка чрезмерно сужающая, ведь направленность может быть как на ряд произведений, так и на жанр, автора и даже литературное направление. Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся при работе с произведениями Гарнера: пародия на политкорректность в первую очередь обнаруживает сходство с пародией на жанр, в первую очередь – в механизмах. Таким образом, как «Политкорректные сказки на ночь», так и «Once Upon a More Enlightened Time», хотя и являются пародией в классическом смысле, направленной на достижение комического эффекта, при этом высмеивает не произведение, а социальный феномен – политкорректность в целом. Делается это колко, иногда – абсурдно и открыто, но представляется, что именно в язвительной сатире можно проследить схожесть этих современных работ, например, с «Письмами темных людей», обратившими на себя внимание сторонников ортодоксии. Политкорректность в таком случае представляется как своеобразный жанр со своими лексическими и стилистическими особенностями. Рассматриваемые нами работы оказываются в некотором смысле гротескной пародией на этот жанр – и не только комической, так как пародирующее и пародируемое связаны не только в сходных элементах, но и несходных. Там, где в реальности политкорректность была бы осторожна и умеренна, в книгах Гарнера она становится костяком повествования, на который уже наслаиваются другие элементы.

Перед тем, как перейти непосредственно к анализу работ Гарнера, вспомним историю российских и американских пародий, чтобы понимать, как это явление развивалось в рамках двух культур, исследованием которых мы будем заниматься в практической части.

Расцвет американского юмора пришелся на период тридцатых-девяностых годов XIX в., когда авторы начали отходить от идей романтизма. Пародии того времени можно разделить на три группы согласно объекту пародирования: пародии на публичные выступления, сочинения по истории и собственно литературные пародии [Иванова, 2014, с.

74]. В первую очередь нас интересуют именно литературные пародии, так как именно к этому классу принадлежат работы Дж. Ф. Гарнера.

Уже в то время объектом насмешек становились события недавнего и далекого прошлого: высмеивались не только конкретные авторы, но высокомерие, обман и снобизм в целом [Иванова, там же]. Комический эффект в то время обеспечивается нелепостью, абсурдностью использования романтических приемов авторами популярных произведений. Воспроизведение типичного витьеваго романтического слога в пародиях того времени использовалось и Марком Твеном в ходе борьбы за становление нового американского реализма. Ф. Б. Гарт в своих пародиях пользовался мощностью этого жанра в свержении любых авторитетов, чтобы выполнять свои творческие задачи: в то время это было связано с преобладающей в литературе английской традицией, которую были намерены свергнуть авторы-современники.

Вспомним и о том, что пародийное переосмысление сказок и легенд на «современный» манер было характерно для американской литературы и больше века назад – об этом свидетельствует и реакция Твена на творчество викторианского поэта Альфреда Теннисона, выраженная в его романе «Янки при дворе Короля Артура» [Серенков, 2008, с. 102]. Твен отрицал благородный рыцарский образ, характерный для литературы в целом, и отказывался от романтических идеалов предшествующей литературы XIX в. Более того, персонажи книги – например, Мерлин и Гинерва, – черпают свою силу не из магии и красоты соответственно, а из косметики. Ланселот описывает эту косметику так: «крем-мыло для лица, которое придаст этим цветущим щекам более жемчужную красоту» и «краска для волос, которая ляжет на каждую шелковую прядь».

Пародии в России получила распространение в конце XIX – начале XX вв. Литературный быт, в то время менявшийся в преддверии и первые годы серебряного века, отразился в том числе и на пародии – часто ее объектом становился Л. Н. Толстой, произведения и быт которого высмеивались в разных журналах: «Развлечения», «Ниве», «Огоньке» и др. [Крылов, 2018, с. 24-25]. При этом, однако, большинство пародий на писателя были мягкими, сопровождаемыми подчеркнуто уважительным отношением к писателю.

Вспомним и о журнале «Искра», выходившем в период 1859-1873 гг. В этом издании была сформулирована новая пародийная модель, «перепевы» («пародическое использование» у Тынянова). Перепев оказался именно той пародией, которая подразумевает направленность не против литературного произведения – в фокусе внимания пародиста оказываются современные литературные и *внелитературные* факты. Более того, писателями использовались макеты произведений русских классиков: И. А. Крылова, А. С.

Пушкина, А. С. Грибоедова и других, при этом тексты насыщались остросовременной проблематикой и иначе звучали в новом контексте эпохи [Анисимова, 2019, с. 174]. Публиковавшиеся в «Искре» поэты и писатели освещали широкий круг современных событий – на первый план всегда выходила современная проблематика: современная пресса, правовые вопросы, мемуаристика. Хотя большинство искровцев были поэтами, для нашей работы, уделяющей внимание в первую очередь прозе, важно отметить, что их стратегия «приспособления» известных текстов к современной общественной и политической ситуации была в каком-то смысле перенята Дж. Ф. Гарнером. Важно то, что и в современной американской сатире, и в русскоязычных пародиях XIX в., широко известная сюжетная схема и слегка измененная словесная форма прилагаются к высмеиваемому в сатире материалу. Именно неожиданность такого применения, разрушающая круг привычных ассоциаций, создает комический эффект.

Выводы по 1 главе

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что политкорректность – идеология с собственным набором идеологем. Будучи наиболее характерной для западного мира, а в особенности англоязычных стран, она призвана избавиться от барьеров между большинством и меньшинствами: национальными, религиозными и др. Английская лингвокультура рассматривает политкорректность как особый строй языка – с собственными продуктивными суффиксами и грамматическими особенностями. При этом само явление рассматривается неоднозначно даже на западе, противореча, как отмечают некоторые исследователи, концепции свободы слова. С другой стороны, она помогает людям преодолеть социальные рамки, особенно когда речь идет о многонациональных сообществах. Идеологическая база политкорректности позволяет нам говорить о ней как о биполярном явлении, с собственными ориентирами «добра» и «зла», «хорошего» и «плохого». Так, у каждого положительного с точки зрения политкорректности явления есть свой отрицательный антипод, который необходимо избегать, если человек хочет оставаться в рамках социальной нормы.

В то время как в англоязычных странах аппарат политкорректной лексики сформирован и обозначен, в России политкорректность находится на начальном этапе, что может быть связано с разными аспектами нашей страны: культурой, менталитетом, историей. Несмотря на то, что СМИ вводят в обиход некоторые политкорректные термины-кальки, вокабуляр россиянина в сфере политкорректности остается довольно ограниченным. Отметим, что, хотя ряд политкорректных выражений закрепился в русском

языке и получил общее признание, некоторые из них приходится переводить описательным способом для того, чтобы полностью передать смысл рассматриваемого термина.

При переводе политкорректных терминов с английского на русский лингвист прибегает к большинству традиционных способов передачи единиц на переводящий язык. Наиболее целесообразны среди них: описательный перевод, калькирование, транскрипция, транскрибирование с элементами транслитерации, модуляция (смысловое развитие), антонимический перевод.

Кроме того, мы изучили особенности пародии, что особенно важно для работы над практической частью. Пародию можно рассматривать с разных перспектив: с точки зрения временного фактора, в зависимости от целей пародирования, в зависимости от объекта пародирования, в зависимости от четкости границ жанра, в зависимости от ведущей функции.

Мы также обнаружили, что перевод пародий приобрел специфику, характерную для таких современных работ, как книги Гарнера, еще в XX в. Трансформации В. Набокова, к которым переводчик прибегал при переводе пародий Л. Кэрролла (в т.ч. внутритекстовых, напр. «Папа Вильям»), показали, что западную реальность, не всегда понятную русскоязычному читателю, можно сделать доступной и понятной, при этом сохранив столь важный для жанра юмористический подтекст.

В довершение скажем, что историю пародии в том виде, в каком она представлена в работе Дж. Ф. Гарнера, – можно проследить до XIX в. Русскоязычная пародия, т.н. «перепевы» из журнала «Искра», стали предтечей пародии на остросоциальные явления, политическую ситуацию, внелитературные феномены.

ГЛАВА 2. ПОЛИТКОРРЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖЕЙМСА ФИННА ГАРНЕРА И ЕЕ ПЕРЕДАЧА В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

2.1. Семантическая классификация политкорректной лексики

Исследователи предлагают различные классификации политкорректности, но сходятся в некоторых категориях: гендере, национальности, социальном положении, физических особенностях (в которые также обычно входят возраст, расстройства и др.) [Лазаревич, 2014, с. 25-26; Малышева, Шидловский, 2013, с. 50]. Выработанная нами на основе других исследований классификация, включающая в себя восемь групп, позволяет узнать, какой аспект политкорректности чаще всего становится предметом насмешки в работе Дж. Гарнера, а какие эвфемизмы и, соответственно, связанные с ними социальные явления автор обошел стороной. Для более четкого и ясного разделения мы выделили восемь групп политкорректной лексики:

1. Гендерная лексика. Будучи одним из наиболее важных аспектов эвфемии, гендерная лексика является одним из ее столпов, хотя ключевую роль играет только в одной из работ Гарнера, «Политкорректных сказках на ночь». Гендерная лексика, на которую значительное влияние оказал политический феминизм, имеет две стороны – общепринятую и специфичную, используемую гораздо реже. Общепринятая призвана достичь нейтралитета при номинации мужчин и женщин; этого помогает достичь наиболее частый аффикс *-person*, применимый к профессиям (*chairperson*, *businessperson*, *salesperson*) и непосредственно слово *person*, относящееся к человеку как существу и иногда заменяющее *man*. Мы также относим к общепринятой лексике местоимение *they* в ситуации, когда оно используется для обозначения человека любого пола (гендерно-нейтрально), и нейтральные слова, заменяющие консервативные названия профессий (*policeman* → *police officer*; *steward(ess)* → *flight attendant*; etc.). К специфичной лексике будет справедливо отнести выражения, в основном используемые феминистическими движениями, но не получившие распространения в СМИ, например: *wompon*, *wimmin*.
2. Общественно-культурная. Данный вид эвфемизмов связан с социальным положением человека, традициями, образом жизни. Эта категория представляется одной из самых развитых, так как призвана размыть границы между социальными слоями общества, повысить престиж определенных традиций и приравнять культурные различия и достижения людей и народов.

Характерные примеры из книги: *domestic engineer, alternative attitude, inadequate wellness*.

3. Физическая лексика. Физические эвфемизмы объединяют в себе политкорректную лексику, обозначающую физические недостатки, состояние здоровья и т.п. Стоит отметить, что эта лексика тоже частотна, встречается в авторитетных источниках и иногда даже рекомендуется правительством западных стран к употреблению в речи и на письме [GOV.UK, эл. ресурс]. Наиболее продуктивно в данной категории слово *challenged*, лишенное негативной коннотации, как, например, слово *disadvantaged* (в свое время тоже являвшееся эвфемизмом для *cripple*). Иногда оно и некоторые другие используются в качестве продуктивного аффиксоида, образуя такие слова, как *dryness-challenged, blubber-deficient, velocity-fortified*.
4. Умственно-психологическая лексика. В данную категорию входят обозначения умственных расстройств и интеллектуальных способностей человека в целом. Будет разумно выделить умственную лексику в отдельную от физической категорию потому, что она частотна и касается того, что традиционно использовалось в качестве оскорблений (*fool, idiot, retard, moron, etc.*). Интересно, что в «традиционный» слой оскорбительной лексики входят именно слова, в медицинском смысле обозначающие определенную умственную кондицию. Например: *mentally challenged, hearing impaired*.
5. Экологическая лексика. Эти эвфемизмы приняты смягчить отношение человека к природе. Эта категория предполагает, что каждое действие человека, так или иначе влияющее на природу, принимает политкорректный облик: *to litter – to contaminate environment*. Кроме того, меняются и обозначения, принятые для активистов, защищающих окружающую среду: *treehugger – environmental activist*. Примеры: *ecoteur, Our Mother*.
6. Расовая/видовая. Данная категория призвана смягчить слова, традиционно используемые для обозначения той или иной национальности. Мы также включили в эту категорию и «видовую» лексику, часто встречающуюся в работах Дж. Гарнера – связано это с тем, что в ней встречаются обозначения животных как вида. Примеры: *equine companion, mer-accessible*.
7. Эвфемизмы для смерти. Представляя «классическую» категорию эвфемизмов, эти слова, характерные как для английского, так и русского языков, используются повсеместно – как в СМИ, так и в повседневном общении. Стоит отметить, что эта группа особенно метафорична и характеризуется

разнообразием. В книгах Гарнера эта группа представлена такими словами и выражениями, как *corporal terminality, life-and-non-life struggle*.

8. Возрастная лексика. Возрастные эвфемизмы позволяют избежать дискриминации по возрасту. Этот класс лексики тоже считается устоявшимся – в западных СМИ часто используются такие обозначения, как *golden-ager, senior citizen* и др. В «*Once Upon a More Enlightened Time*» можно найти ироничные варианты *pre-adult, persun of newbornness*.

Основной проблемой для переводчика при работе с политкорректной лексикой становится частое отсутствие необходимого аналога в русском языке. В пародии Гарнера, полной аллюзий, намеков и отсылок к событиям западного мира, проблема встает еще более остро. Малое количество переводов не позволяет сделать определенные выводы насчет использованных решений, однако в случаях, где перевода не имеется, мы предложим собственные, наиболее удачные на наш взгляд варианты.

Приведем статистику после анализа двух произведений Дж. Ф. Гарнера, «Политкорректных сказок на ночь» и «*Once Upon a More Enlightened Time*». В оригинале этих работ мы нашли:

Таблица 1. Соотношение политкорректной лексики по семантическим группам

Группа политкорректной лексики	Абсолютное количество лексики	Процентное соотношение
Общественно-культурная	66	27.5%
Гендерная	55	22.92%
Физическая	55	22.92%
Расовая/Видовая	20	8.33%
Умственно-психологическая	17	7.08%
Экологическая	13	5.42%
Смерть	8	3.33%
Возрастная	6	2.5%
Всего	240	100%

2.2. Способы и стратегии перевода политкорректной лексики

Приступая к анализу способов и стратегий перевода политкорректной лексики в работах Дж. Ф. Гарнера, вспомним о доместикации и форенизации, предложенных Лоренсом Венути. Сам автор охарактеризовал доместикацию (domestication) так: «an ethnocentric reduction of the foreign text to receiving cultural values, bringing the author back home» [Venuti, 2008, p. 15]. Другими словами, автор приближается к читателю, потому что такой перевод нацелен на носителя языка перевода, а, соответственно, максимально приближен к нормам его языка. Вероятно, переводчик не всегда задумывается о том, к какой из стратегий он прибегает, происходит это на скорее интуитивном уровне, поэтому будет справедливо сказать, что доместикация в широком смысле – стратегия, призванная сделать иноязычный текст понятным и доступным для читателя перевода.

Несмотря на то, что Венути является нашим современником, исследователи [Yang, 2010, p. 77; Корнаухова, 2011, с. 91] отмечают, что на самом деле доместикация существует уже очень давно. Например, она имела место еще во времена Римской Империи, когда Гораций адаптировал греческие переводы для римского реципиента. Вспомним и Ф. Шлейермахера, утверждающего о существовании только двух методов перевода: «Либо переводчик оставляет, насколько это возможно, в покое автора и переносит читателя к нему. Либо он оставляет в покое, насколько это возможно, читателя и переносит к нему автора». Нельзя не вспомнить, что во времена романтизма начали стремиться к инокультурности, и именно в этот период особое распространение получила «форенизация» в первоначальном виде.

Форенизацию Венути описывает следующим образом: «an ethnodeviant pressure to those value to register the linguistic and cultural differences of the foreign text, sending the reader abroad» [Venuti, 2008, p. 15]. Форенизация призвана сохранить иностранные культурные языковые ценности, при этом иногда изменяя структуру языка перевода, вводя неологизмы и используя неузусные сочетания. Мы вновь рассматриваем форенизацию как переводческую стратегию, целью которой является перенесение реципиента в культуру исходного текста.

Данная работа не призвана субъективно оценивать какую-либо стратегию, но мы считаем нужным отметить, что даже в современных реалиях нет согласия насчет того, какая из стратегий является предпочтительной. Так, Юджин Найда выступал за доместикацию как доминирующую стратегию, Лоренс Венути – за форенизацию.

Ю. Найда аргументировал это тем, что сосуществование двух культур в иноязычном тексте – более важный фактор, чем сосуществование языков, так как слова имеют значения лишь в рамках той культуры, в которой они используются. Найда выделял два типа эквивалентов: формальные и динамические (функциональные). Формальная эквивалентность призвана проникнуть в лексическую, грамматическую и синтаксическую структуру оригинального текста, т.е., по сути, отражает идеи буквального перевода. Функциональная эквивалентность основывается на принципе эквивалентного эффекта, т.е. она должна приближать иностранного читателя к тексту так, как читателя и текста оригинала (читатели должны воспринимать его настолько глубоко, что они могут представить, какой эффект этот текст может произвести на читателей оригинала). Например, Найда предлагал переводить «белый как снег» для жителей тропиков как «белый как перо цапли», «хлеб жизни» и «волка» для мексиканцев как «тортилью» и «койота» соответственно.

С другой стороны, Венути считает, что переводчику «желательно уменьшить этноцентрическое принуждение при переводе». Таким образом, форенизация позволяет ограничивать одомашнивание мировых культурных ценностей англоговорящей частью мира. Форенизация не скрывает присутствие переводчика, обеспечивающего защиту от идеологического давления культуры доминантного языка перевода. Исследователь называет обе стратегии эвристическими, но отмечает, что «акцентирование или игнорирование культурных особенностей того или иного конкретного иноязычного текста обусловлены доминантностью / подчиненностью его культуры в мире на данный момент» [Venuti, 2008].

Некоторые переводчики [Мельничук, 2016, с. 391] считают, что чрезмерное использование доместикации приводит к нивелированию стиля и характеристик оригинала, стирает маркеры иноязычной культуры, из-за чего не достигается главная цель перевода – обеспечение коммуникации. В свое время избыточная форенизация может сделать перевод неясным – особенно в ситуации, когда реципиент не имеет базовых знаний в области исходного языка. Считается, что переводчик часто комбинирует оба подхода, хотя может выбрать и один. Более того, необходимо аргументировать выбор той или иной стратегии. Стоит вновь отметить, что владение языком перевода – важнейшая способность переводчика. Она позволяет анализировать текст, дифференцировать и синтезировать отдельные фрагменты, выбирать языковые средства, наиболее соответствующие конкретной коммуникативной ситуации. Используя оба подхода, переводчик добивается оптимального результата, получая адекватный, точный, удобный и доступный перевод.

Отметим, однако, что если при работе с «Политкорректными сказками на ночь» оптимальным подходом предстает именно осторожное сочетание доместикации и

форенизации, перевод «Once Upon a More Enlightened Time» характеризуется преобладанием доместикации, в т.ч. из-за большого количества отсылок к американской культуре.

Вернемся к переводческим приемам в рамках доместикации и форенизации. Приемы, применяемые при переводе эвфемистических выражений, уже были отмечены в теоретической главе. Большинство из них будет совпадать с классификацией по принципу Л. Венути, но нельзя к этому не обратиться, если мы хотим обеспечить для читателя лучшее понимание вопроса. Примеры, приводимые после дефиниции каждой стратегии, взяты из тех интерпретированных Джеймсом Финном Гарнером сказок, переводы которых находятся в свободном доступе. Далее будут представлены приемы перевода, наиболее характерные для стратегии доместикации:

1. Приближенный перевод. Способ представляет собой перевод посредством аналога, т.е. передачу предметного содержания политкорректной единицы с потерей ее колорита, поскольку он теряется из-за замены ожидаемого коннотативного эквивалента эквивалентом, нейтральным по своему стилю. Например:

«One day her mother asked her to take a basket of fresh fruit and mineral water to her grandmother's house – not because this was *womyn's* work...» [Garner, URL: <https://fullenglishbooks.com/english-books/full-book-politically-correct-bedtime-stories-read-online>] - «Вовсе не потому (и это важно), что носить корзины с провизией считается типично *женским* делом...» [Чхартишвили, URL: <https://ya-yacek.livejournal.com/6221.html>].

“Womyn’s”, политкорректная единица, используемая феминистскими движениями для того, чтобы избавиться от «дискриминирующего» суффикса -men, характерна для английского языка не только из-за того, что на западе принято стремиться к гендерной политкорректности. Дело в том, что суффикс -man в английском языке продуктивен (например, слова marksman, salesman и др., созданные по одной схеме и появившиеся в период XVI-XVII вв.), поэтому некоторые считают, что с точки зрения политкорректности, при этом не всегда обращая внимания на этимологию слова, которое изначально обозначало и мужчину, и женщину, будет справедливо использовать именно слово womyn и его вариации (womon – singular, wimmin – plural). В книжном русском языке не наблюдается «гендерных» суффиксов, но присутствуют такие слова как «повариха», «врачиха» и др., которые словари относят к разговорной лексике [Ефремова, 2000]. Более того, гендерный вопрос в России не стоял так же остро (в том числе из-за советской действительности), как в странах запада, а этимология русских «мужчина» («муж») и «женщина» («жена»), в том числе их внешняя форма, никогда не вызывали столь же ожесточенных дебатов, как их аналоги в английском языке. Тем не менее, разграничение полов в быту, свойственное

каждой культуре, характерно и для нашей страны, поэтому перевод «женское дело», хоть и является нейтральным эквивалентом, передает юмористический оттенок оригинала, мы понимаем шутку, построенную на оппозиции мужского и женского. Представленный выше перевод – работа Г. Чхартишвили. Любительский перевод С. Сивко предлагает вариант «женская работа» [Сивко, URL: <https://ya-yasek.livejournal.com/6221.html>]. На наш взгляд, использование слова «дело» как бы усиливает комическое составляющую (вероятно, в том числе и по ассоциации с цитатой «не царское это дело!»). Читая это предложение, мы будто остаемся в российской реальности – нам не нужно «переноситься» на запад для того, чтобы понять шутку. Несмотря на то, что в целом вариант нейтральный, колорит частично передается.

2. Эквивалентное соответствие. Выделяемое Ю. Найда как постулат доместикации, эквивалентное соответствие – использование в переводе словарного эквивалента политкорректной лексики, под которым понимается «постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [Рецкер, 2007, с. 13]. Например:

«But, because his *status outside society* had freed him from slavish adherence to linear, Western-style thought, the wolf knew a quicker route to Grandma's house» [Garner, URL: <https://fullenglishbooks.com/english-books/full-book-politically-correct-bedtime-stories-read-online>] – «Но, поскольку *положение вне общества* освободило его от рабской приверженности линейному западному образу мышления, волк знал более короткую дорогу к дому бабушки» [Сивко, URL: <https://ya-yasek.livejournal.com/6221.html>].

Будучи практически дословным переводом («формальная эквивалентность» по Найде), словосочетание «положение вне общества», предложенное С. Сивко, передает комический оттенок оригинала, несмотря на его буквализм. Связано это, вероятно, с тем, что выражения, указывающие на социальный статус человека – вне зависимости от того, английское ли это «*status outside society*» или русское «положение вне общества», – всегда осознаются, пусть даже на подсознательном уровне, как эвфемистические, связанные с маргиналами: нищие, алкоголики, бездомные. При этом стоит отметить, что Г. Чхартишвили предлагает несколько иной вариант: «...вследствие своего *обездоленного социального положения...*» [Чхартишвили, URL: <https://ya-yasek.livejournal.com/6221.html>]. Метафоричное использование слова «обездоленный», по словарному стандарту применяемое только по отношению к личности [Ушаков, 2009], подчеркивает комичность ситуации. Несмотря на то, что предложенная переводчиком трансформация не попадает в данную категорию, мы считаем, что оба варианта достаточно передают стремление соблюсти политическую корректность.

3. Описательный перевод (экспликация). Под описательным переводом понимается процесс замены лексической единицы оригинала словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на языке перевода. Например:

«Sexist! *Speciesist!* How dare you assume that womyn and wolves can't solve their own problems without a man's help!» [Garner, URL: <https://fullenglishbooks.com/english-books/full-book-politically-correct-bedtime-stories-read-online>] – «Паршивый сексист! *Враг живой природы!* Неужто вы думаете, что женщины и волки не решат своих проблем без вмешательства со стороны мужчин?» [Чхартишвили, URL: <https://ya-yacek.livejournal.com/6221.html>].

Как уже отмечалось ране, многие слова, образованные при помощи продуктивного английского суффикса -ism, в русском языке не прижились из-за исторических, культурных и национальных особенностей. Будет справедливо предположить, что никто в России даже подумать не может, что такое «спесисизм» и на кого такая необычная дискриминация может быть направлена. Г. Чхартишвили предлагает прибегнуть к описательному переводу. Оксфордские словари определяют «speciesism» так: «the assumption of human superiority leading to the exploitation of animals» [English Oxford Living Dictionaries, эл. ресурс]. Развивая эту идею, переводчик не прибегает к термину, а предлагает развернутое «враг живой природы». Мы считаем, что такая трансформация является хорошим примером описательного перевода: она не делает текст громоздким. Более того, контраст между заимствованным «сексист» и знакомым «врагом живом природы» добавляет комичности. С. Сивко предлагает следующий вариант: «Сексист! *Специст!* Как вы осмелились подумать, что представители женского пола и волки не могут решить собственные проблемы без помощи мужчины!» [Сивко, URL: <https://ya-yacek.livejournal.com/6221.html>]. Представляется, что такая трансформация неудачна: сомнительно, что русскоязычный читатель поймет, о чем идет речь. Учитывая, что книга написана для разных возрастов, должна быть легкодоступной и понятной каждому реципиенту, использование «специста» даже для того, чтобы поддержать комический эффект, представляется не лучшим решением. Рассмотрим еще один пример описательного перевода:

«...Red Riding Hood screamed, not out of alarm at the wolf's apparent tendency toward *cross-dressing*...» [Garner, URL: <https://fullenglishbooks.com/english-books/full-book-politically-correct-bedtime-stories-read-online>] – «Красная Шапочка пронзительно закричала - вовсе не потому, что ее шокировал *транссвестистский наряд* Серого Волка...» [Чхартишвили, URL: <https://ya-yacek.livejournal.com/6221.html>].

В России иногда по-прежнему используется медицинская терминология для обозначения девиантного поведения (разумеется, в западном обществе это лучше будет назвать отличным от общепринятого образом жизни). Так, термин "кроссдрессинг" несмотря на то, что довольно часто появляется в современной России (зафиксировано около 642000 результатов в русском сегменте интернета [Google, эл. ресурс]), остается жаргонным словом, используемым обычно в прогрессивных кругах. Чаще всего в нашей стране это называют "трансвестизмом двойной роли", и действительно – вероятно, каждый читатель понимает, о чем идет речь. Более того, в оригинале мы воспринимаем "трансвестизм" как явление, скорее склонность волка к переодеванию в женскую одежду, в то время как в переводе – непосредственно бабушкин наряд, который волк решил надеть. Добавим, что перевод С. Сивко предлагает вариант, совершенно не подходящий оригинальному значению: «Красная Шапочка вскрикнула, но не из-за тревоги, вызванной очевидным стремлением волка к обмену одеждой...» [Сивко, URL: <https://ya-yacek.livejournal.com/6221.html>]. Вероятно, автор не знал о значении термина «crossdressing», поэтому использовал вместо него «обмен одежды», что совершенно не передает заложенный автором смысл.

1. Лексико-семантические замены – способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований [Комиссаров, 1990, с. 174]. Рассмотрим пример предложения, сочетающего в себе опущение и добавление:

«I find your sexist remark offensive in the extreme, but I will ignore it because of your *traditional status as an outcast from society*, the stress of which has caused you to develop your own, entirely valid, worldview» [Garner, URL: <https://fullenglishbooks.com/english-books/full-book-politically-correct-bedtime-stories-read-online>] – «Ваше сексистское замечание глубоко оскорбительно... Но я не обращаю на это внимание, ибо мне известно, что *традиционный статус парии и изгоя*, а также проистекший из этого стресс сформировали у вас специфическое (но вполне имеющее право на существование) мировоззрение» [Чхартишвили, URL: <https://ya-yacek.livejournal.com/6221.html>].

Этот пример интересен потому, что сочетает в себе сразу два приема. Несмотря на то, что добавление является скорее вспомогательным способом перевода при калькировании, в данном выражении мы сталкиваемся с необычной ситуацией: учитывая, что в русском языке мы называем изгоем человека, не принятого обществом (а ранее называли того, кто на Древней Руси был отвергнут именно обществом по той или иной

причине), "изгой" и так подразумевает то, что в английском называют "an outcast from society", и именно поэтому мы относим данный пример к добавлению. При этом переводчик добавляет слово "пария" именно для того, чтобы подчеркнуть оттенок социальности – таким образом, Волк представляется отверженным, не принятым ни в одну касту существом. С. Сивко предлагает следующий вариант: "Я нахожу ваше сексистское замечание крайне оскорбительным, но я не буду обращать на него внимание, поскольку ваш *традиционный статус общественного изгоя* вызвал стресс, который вынудил вас развить ваш собственный полностью значимый взгляд на мир. А теперь, если вы позволите, я продолжу свой путь" [Сивко, URL: <https://ya-yacek.livejournal.com/6221.html>]. Трансформация практически идентична, не считая того, что переводчик не стал прибегать к добавлению. Вариант Г. Чхартишвили представляется более удачным из-за сочетания терминов.

На примере художественной литературы разных авторов можно обнаружить, что калькирование – единственный форенизирующий способ перевода, используемый при переводе эвфемистической лексики. Эффективность калькирования связана с тем, что перевод некоторых из выражений иным способом или невозможен, или, как в случае с пародирующей литературой, просто лишает ее юмористического эффекта. Не стоит забывать, что переводчик должен ориентироваться и на фоновые знания читателя: не всегда будет логично прибегать к трансформации, указанной выше («специст»), если мы хотим, чтобы текст был доступен, понятен и при этом оставался комичен. Тем не менее, калькирование часто именно потому, что, как отмечалось ранее, в России эвфемистическая лексика получила очень ограниченное распространение. Напомним, что процесс калькирования состоит в том, что составные части лексической единицы (морфемы слова или лексемы словосочетания) заменяются их буквальными соответствиями на языке перевода [Латышев, 2000, с. 149]. Рассмотрим следующий пример:

«Oh, I forgot you are as *optically challenged as a bat*» [Garner, URL: <https://fullenglishbooks.com/english-books/full-book-politically-correct-bedtime-stories-read-online>] – Ах, я совсем забыла, что ты *оптически неординарна, как кротиха*» [Чхартишвили, URL: <https://ya-yacek.livejournal.com/6221.html>]. Интересно, что перевод не только форенизирует, но в то же время и доместизирует предложение: «оптическая неординарность», словосочетание, которого в русском узусе просто нет, соседствует со знакомым русскоязычному читателю кротом. Как отмечалось ранее, в разных культурах животные имеют свои собственные качества. И хотя в русском языке известны оба выражения (и «слепой как крот», и «слепой как летучая мышь»), мы считаем необходимым отметить, что идиоматическое выражение «blind as a bat», эвфемизмом которого и является

«optically challenged as a bat»), относится к английской лингвокультуре, на что указывает наличие этого выражения в словаре [Cambridge Dictionary, эл. ресурс]. Предположительно, эта идиома пришла в наш язык путем калькирования – как, например, «a skeleton in the cupboard». При этом переводчик сталкивается с проблемой: если перевести словосочетание как «слепой как крот» или «имеет проблемы со зрением, будто крот», то комический эффект теряется, а прямое упоминание слепоты и каких-либо физических недостатков в целом считается неполиткорректным. Г. Чхартишвили не только сохраняет комический эффект, прибегая к забавной конструкции «оптически неординарный», но и «одомашнивает» оригинал, превращая летучую мышь в более знакомого русскоязычному читателю крота. С. Сивко в этом случае прибегает к буквальному переводу: «Ой, я забыла, что ты *оптически-недостаточна как летучая мышь*» [Сивко, URL: <https://ya-yasek.livejournal.com/6221.html>]. Мы считаем, что оба варианта сохраняют юмористический подтекст, но, вероятно, первая трансформация в России будет более понятна. Кроме того, при подробном рассмотрении предложенный С. Сивко вариант кажется неэвфемистическим: как известно, в рамках политкорректной лексики лучше не использовать слова с негативной коннотацией (недостаточный, лишенный и т.д.). С другой стороны, «неординарность» в русском языке часто ассоциируется с чем-то положительным – выходит, плохое зрение бабушки-волка не предстает явным недостатком.

Следующая трансформация сочетает в себе как элементы описательного перевода и окказионального соответствия, так и калькирования. Этот пример интересен тем, что показывает, как могут соседствовать стратегии доместикации и фореизации в одном предложении.

Her screams were heard by a passing *woodchopper-person* (or *log-fuel technician*, as he preferred to be called) [Garner, URL: <https://fullenglishbooks.com/english-books/full-book-politically-correct-bedtime-stories-read-online>] – Крики услышал проходивший мимо *индивид, зарабатывавший на жизнь заготовлением дров* (он предпочитал, чтобы его называли *древотопным инженером*) [Чхартишвили, URL: <https://ya-yasek.livejournal.com/6221.html>].

Мы сталкиваемся с еще одним неоднозначным случаем перевода. С одной стороны, можно сказать, что, переводя "woodchopper-person" как "индивид, зарабатывающий на жизнь заготовлением дров", мы слишком эксплицируем изначальное значение, ведь оригинал только подчеркивает гендерную нейтральность добавлением "person". как, например, в случае с "chairperson", отсюда и комический эффект, т.к. лесоруб – традиционно мужская профессия. На наш взгляд, однако, переводчик предпринял очень разумное решение: он не просто передал гендерную нейтральность понятия, свойственную оригиналу, но и избежал несправедливого отношения к дереву как представителю

органического мира. Так, Г. Чхартишвили предлагает вариант, в котором индивид не "рубит деревья", а лишь "заготавливает дрова". Громоздкость понятия и подчеркивание трепетного отношения дровосека к миру растений полноценно поддерживает комический эффект. Хотя этот случай можно характеризовать как описательный перевод, будет справедливо отнести его и к окказиональному соответствию, потому что, при всей комичности обсуждаемой темы, в русской лингвокультуре мы, вероятно, никогда не используем предложенный переводчиком вариант. Древоотпный инженер – пример того, как "социально незначимые" профессии интерпретируются в современном мире. В теоретической части мы отметили, как в западном и даже российском обществе используется слово "менеджер" для обозначения, например, профессии уборщика. С "инженером" мы наблюдаем ту же ситуацию. Log-fuel является практически полностью идентичной калькой, technician – калькой с незначительными изменениями, при этом мы используем слово "инженер" для того, чтобы подчеркнуть престиж профессии, вместо "техника", имеющего скорее нейтральную коннотацию. Отметим, что реально существующая профессия «fuel technician», на базе которой Дж. Гарнер и придумывает комического «log-fuel technician», тоже предполагает значительные физические усилия.

Рассмотрим еще один пример калькирования, который, скорее всего, будет понятен любому русскоязычному читателю: «There was once a young person named Red Riding Hood who lived with her mother on the edge of a large wood. One day her mother asked her to take a basket of fresh fruit and mineral water to her grandmother's house... [Garner, URL: <https://fullenglishbooks.com/english-books/full-book-politically-correct-bedtime-stories-read-online>] – Жил-был на свете юный индивид, которого звали Красная Шапочка... Обитала эта персона вдвоем с матерью на опушке большого дремучего леса. Как-то раз мать попросила юного индивида отнести корзину со свежими фруктами и экологически чистой водой бабушке» [Чхартишвили, URL: <https://ya-yasek.livejournal.com/6221.html>].

Перевод "юный индивид", хоть и хорошо передает изначальный образ слова, недостаточен сам по себе – это связано с особенностями грамматического строя русского языка. Если мы будем смотреть на "юного индивида" с западной перспективы, то сразу отметим, что прилагательное и связанное с ним существительное отсылают нас к мужскому роду. Для того, чтобы подчеркнуть важность словосочетания, Г. Чхартишвили прибегает к повтору (чего мы не наблюдаем в оригинале), и мы видим нечто, похожее на смысловое развитие, модуляцию, но в последующих предложениях: "эта персона", "мать попросила юного индивида"... в то время как в оригинале мы наблюдаем лишь местоимение her. Структурные изменения (деление двух предложений в оригинале на три в переводе) позволяют облегчить восприятие текста, при этом в каждом из предложений вновь

упоминаются слова «индивид» и «персона», что усиливает комический эффект. Отметим, что С. Сивко подобных трансформаций избежал. Его перевод выглядит так: «Жила-была молодая личность по имени Красная Шапочка. Жила она со своей матерью на опушке большого леса. Однажды мать попросила ее отнести корзинку со свежими фруктами и минеральной водой в дом ее бабушки» [Сивко, URL: <https://ya-yasek.livejournal.com/6221.html>]. Переводчик вновь стремится к буквальному переводу, в то время как Г. Чхартишвили оперирует более книжными терминами («индивид» и «персона» вместо «личность») и делает упор на прием повтора. С точки зрения пародии его решение представляется более удачным.

Далее с помощью самостоятельно выполненного перевода демонстрируются возможности систематического использования проанализированных ранее стратегий и способ передачи в пародии политкорректной лексики для сохранения пародийного эффекта при переводе другого произведения Гарнера, не имеющего на момент написания работы опубликованного русского перевода. Переходя к работе «Once Upon a More Enlightened Time», отметим, что главную трудность представляет авторский комментарий в начале произведения. Вступление рассказывает о том, как автор прошел свой «политкорректный путь», от каких эвфемизмов отказался и в пользу каких терминов сделал выбор. Обратим внимание, что у некоторых из них нет даже примерного аналога (например, неологизма) в русском языке. Учитывая пародийно-юмористический характер всего произведения, представляется разумным решением сохранить комичность вступления, следуя тем же нормам, что и в других частях произведения – попытаться применить стратегию доместикации, привлекая внимание русскоязычного читателя с первых страниц. Рассмотрим пример: «*At the outset, I would like to apologize sincerely for the success of my last book. The number of trees that voicelessly gave their lives so that my resource-greedy publisher and I could meet retail demand was truly appalling and quite likely contributed to the global warming that gave those of us in the Northern Hemisphere such an unseasonably warm winter. We have made every effort to make this second volume more Earth-friendly, using natural soy inks, people-powered bicycle delivery systems, and photo-degradable paper that will revert to its basic organic components within a short time if exposed to light or read in the tub*». В переводе: «Начну с того, что я хотел бы извиниться за успех моей прошлой книги. Страшно представить, сколько деревьев безмолвно отдали свои жизни, чтобы я и мой жадный издатель могли удовлетворить спрос – тем более, это еще и способствовало глобальному потеплению, и мы, жители Северного полушария, пережили неестественно теплую зиму. Мы приложили все усилия, чтобы вторая книга была экологически чистой, и в этом нам помогли натуральные соевые чернила и светочувствительная бумага, быстро превращающаяся в

основные органические вещества при воздействии света или воды – так что не читайте ее, лежа в ванне! Кстати, для распространения этой книги мы использовали приводимые в движение мускульной силой человека велосипедные системы доставки».

Целесообразно с первых страниц подчеркнуть абсурдность произведения, указав на неестественность вступления такими терминами, как «натуральные соевые чернила» и «светочувствительная бумага» – в этом случае мы прибегаем к калькированию. Трудность вызывает выражение «people-powered bicycle delivery systems»: во-первых, в русском языке оно не согласуется семантически с компонентами, использованными для написания книг (чернилами и бумагой), а, кроме того, термин может показаться читателю из русской лингвокультуры непонятным. Было решено придать абзацу вид рекламного буклета: выставить нелепые сочетания как преимущества произведения, которое реципиент держит в руках. При этом стоит отметить, что это не противоречит авторской задумке, так как в последующих абзацах из оригинала присутствуют элементы рекламного стиля. Рассмотрим подробнее: «You hold in your hands another flawed yet earnest attempt to purge the “children’s” stories popular in “Western” “culture” from the biases and prejudices that ran unchecked in their original “versions.” Stretching as far back as Aesop and the Greco-Roman patriarchy he represents. I have chosen from a wide range of narratives based on familiarity and copyright protection. Sadly, space restrictions have forced us once again to omit “The Duckling that Was Judged on Its Personal Merits and Not on Its Physical Appearance.” I heartily apologize to all proponents of young waterfowl literature; please do not write or E-mail». В переводе: «Вы держите в своих руках несовершенную, но все же искреннюю книгу, попытавшуюся избавиться «детские» сказки, популярные в т.н. «западной культуре», от тенденциозности и предрассудков, которыми кишели их «оригиналы». Тут, кстати, даже басни Эзопа есть (к сожалению, без греко-римского патриархата, который он представляет, не обошлось). Мой выбор произведений основывается на том, насколько они известны, ну и... какие из них защищены авторским правом. Увы, в очередной раз мы не смогли включить в сборник «Утенка, которого судили по его индивидуальным достижениям, а не внешнему виду». Приношу искренние извинения всем защитникам книг о юных водоплавающих птицах; не пишите мне по этому поводу».

Этот абзац, представленный во вступлении, пародирует типичную аннотацию к западным бестселлерам, начинающуюся со слов «*the book you hold in your hands...*», переходящих в описание как авторских заслуг, так и преимуществ рукописи. Кажется уместным перевод, высмеивающий не только эвфемистическую западную культуру (через кавычки и ироничное название «Гадкого утенка»), но и штампы при оформлении книг (через фамильярный стиль и использование клише). Трудность представляют слово *persun*

и его производные: *persunal*, *persunally* и др. Эта форма, высмеивающая универсальное существительное *person*, ставшее частью многих составных существительных в английском языке, не поддается переводческим трансформациям: наиболее очевидная из них, описательный перевод, будет слишком громоздка для частотного термина.

Наиболее проблематичная для переводчика ситуация начинается сразу же после вступления – с представления Гарнером «политкорректного алфавита» в стихотворной форме, каждая буква которого обозначает оригинальное слово, обычно в этом же предложении противопоставленное его эвфемистической форме (например, *drunk – liquor enabled*, *glutton – food-centered*). Нами было решено вновь прибегнуть к стратегии доместикации, превратив латинский алфавит в кириллический, и добавив собственные варианты политкорректных терминов, подходящие под него. Таким образом, мы прибегли к двум основным трансформациям: добавлению и компенсации. Кроме того, потребовалось сохранить ритмичность оригинала (во избежание излишнего цитирования представляем только русскую версию):

А – Активист, готовый сражаться,
Б – для Бродяги, бомжа без матраца;
В – Валентин, фронт-угнетатель,
Г – Гастарбайтер, трудовой соискатель;
Д – Дедовщина, не нужно отпора,
Е – он Едок, точнее – обжора,
Ё – это «Ёлки!» устами майора;
Ж будет Жрицей, к мужчине прилипшей,
З – это Зомби, «иначе погибший»;
И – Инвалид, «ограниченный телом»,
Й оскорбилась, она улетела;
К – это Киллер (вообще-то, «убийца»?)
Л – это Ловчий, лесной кровопийца;
М – Мезальянс, дворянина стезя,
Н – это Негр, но сейчас так нельзя;
О – Обнажаться подобно мечу,
П есть Подарок тому богачу;
Р – это Рэкет, бандитское дело;
С – для Сексиста, недруга тела.
Т – для Топтыги, чащобного брата,
У есть Усопший, уже без возврата;

*Ф – для Фекалий (остальное – противно),
Х – это Хрюшка, очень невинно;
Ц – Целибат для служителей веры,
Ч – есть Чудак, треплющий нервы;
Ш – это Шут, чертовский приятель,
Щ – Щеголять, хоть мороз неприятен;
Э здесь для «Эко» на каждом товаре,
Я – это Ящик, в который сыграли.*

Обратим внимание на ироничное авторское пояснение: «The traditional order of the letters in an alphabet is, of course, completely arbitrary. In spite of its association with excellence in archaic, competitive, literacy-obsessed school grading programs, A is no better or more deserving a letter than X, Y, or Z. Therefore, to deflect any criticisms of a noun-centre bias, I employed a random-letter generator before working on this new alphabet. Believe me, I was as surprised as anyone that, despite the tremendous odds, the random-letter generator spat out the alphabet in the exact order shown above». В переводе оно приобретает следующий вид: «Разумеется, традиционный порядок букв алфавита совершенно случаен. Хочется отметить, что такой подход архаичен и излишне консервативен, ибо буквы Э, Ю, Я ничуть не хуже буквы А – все они равны в своих правах вне зависимости от своего положения. Таким образом, перед тем, как приступить к работе над новым алфавитом, я использовал генератор случайных букв. Сложно представить, каково было мое удивление, когда генератор случайных букв, вопреки ожиданиям, показал мне алфавит точно в таком же порядке, как он представлен выше».

Приведенные варианты перевода особенно ясно показывают разницу между российской и западной лингвокультурой: укрепившиеся в русском языке эвфемизмы лишь в исключительных случаях служат для замены гендерных или расовых понятий. С другой стороны, одной из самой крупных групп можно назвать эвфемизмы, призванные заменить обценную лексику: «блин», «шут», «ёлки» и т.д., а также социальную: «бомж», «менеджер», «жрица любви». При этом, попытавшись сблизить автора и русскоязычного читателя в переводе алфавита, были использованы и те термины, которые в обоих языках считаются некорректными (тем не менее, к их использованию в западной культуре все равно относятся более негативно, чем в российской): «негр», «инвалид», «бродяга». Представляется, что получившийся перевод удачно передает суть произведения Дж. Ф. Гарнера и при этом не выглядит для реципиента непонятным или «отчужденным», так как все приведенные термины хорошо известны человеку, живущему в российской лингвокультуре.

Интересен тот факт, что многие эвфемизмы так укоренились в русском языке, что уже не воспринимаются как таковые. К ним можно отнести, например, «менеджера» («престижный» аналог «управляющего»), «усопшего» (т.е. «умершего»), «киллера» (т.е. «наемного убийцу»).

Особую важность в работе Дж. Ф. Гарнера «Once Upon a More Enlightened Time» играют оппозиции. Как и в случае с «Политкорректными сказками», в работе мы будем отталкиваться от трех ключевых оппозиций: женщина-мужчина, протагонист-антагонист, эвфемия-дисфемия. Сразу отметим, что женщина, протагонист и эвфемия объединены положительными характеристиками. Интересна и ситуация, в которой персонаж произведения принадлежит сразу к нескольким оппозициям. Так, женщина-антагонист, как в случае с ведьмой-неоязычницей из рассказа «Гензель и Гретель», все равно предстает представительницей угнетаемого класса – при ее описании используются термины-эвфемизмы, в целом характерные и для женщин-протагонистов: *wommon*, *temporally advanced*, *persun*. Тем не менее, образ ведьмы дает и неоднозначные намеки на развязку рассказа, когда персонаж все-таки переходит на сторону капиталистов, намеревающихся уничтожить лес: “a wommon in her golden years (actually, quite past them) ...”, “she gave off the aroma of patchouli, burnt sage, and clove cigarettes”. Ирония, с которой Гарнер подходит к описанию этого образа, позволяет подчеркнуть невинный образ потерявшихся детей, начавших увлекаться неоязычеством в надежде возродить родные леса.

В этом рассказе главными трудностями переводчика оказываются преимущественно западные, малознакомые для русского читателя термины: *Wicca*, *PDA label*, *Thumper*. Стратегия доместикации позволяет ясным языком обратиться к русскоязычному реципиенту. Так, *Wicca* становится «волшебницей-новоязычницей», *PDA label* превращается в общеизвестный в нашей лингвокультуре штамп «Без ГМО», так как речь идет о домике ведьмы, выполненном из продуктов питания, а *Thumper*, которым отец-капиталист иронично называется Гензеля, оказывается Пятачком – общеизвестным персонажем, предположительно гораздо более близким россиянину, чем Топотун из диснеевского «Бэмби». Рассмотрим эти примеры подробнее и дадим комментарии:

1. Then, around a sharp bend in their path, they came upon a wondrous cottage made of carob brownies, sugarless gingerbread, and carrot cake. Even without a reassuring *PDA label*, the cottage looked so good that the children dived at it and began to devour it

И вот, после плутания по извилистым дорогам они пришли к чудесному домику, выполненному из веганских кексиков, несладких пряников и кусочков морковного пирога. И хотя дети не увидели на его стенах многообещающей этикетки «Без ГМО»,

избушка эта была так прекрасна, что они буквально ринулись к ней, чтобы насладиться вкусом аппетитных стен.

В данном случае доместикация призвана не только заменить малопонятные русскому читателю «брауни» на «кексики», но и объяснить смысл редкого даже в западной литературе и публицистике выражения «PDA label». Комический эффект в этом абзаце сохраняется благодаря использованию устоявшегося в России словосочетания «без ГМО», часто появляющегося на продуктах питания. Домик и избушка заменяют английское *hut* и, на наш взгляд, создают картину приятного местечка на лесной опушке (а, кроме того, отсылает к классическому переводу П. Н. Полевого).

2. The woman laughed. “No, no, my dear. I’m not a witch, I’m a *Wiccan*. I’m no more evil than anyone else, and I certainly don’t eat *little pre-adults*, like all the rumors would have you believe. I worship nature and the Goddess, and mix herbs and natural potions to help people. Really. Now why don’t you both come in for a nice cup of coltsfoot tea?”.

И засмеялась женщина: «Нет-нет, радость моя, я вовсе не ведьма! Я – *неоязычница*. Я ни на йоту не злее обычного человека, и уж точно не ем *маленьких отпрысков* – это всего лишь слухи. Я поклоняюсь природе и Богине, мешаю травы и натуральные снадобья, чтобы помогать людям. Воистину так. Так может, зайдете ко мне на чашечку отличного чая из мать-и-мачехи?»

Этот абзац показывает, что, во-первых, комический эффект в пародии на эвфемию сохраняется не только благодаря неологизмам. Наша стратегия доместикации предполагает избегания дословного перевода, чтобы сделать книгу понятной для как можно более широкого круга читателей, поэтому представляется разумным решением не переводить *pre-adults* как предвзрослые или индивиды, не достигшие половой зрелости, а емким словом отпрыски, изначально имеющим как высокопарный, так и иронический оттенок.

Более того, одомашнивание представляется необходимым и для *Wiccan* – термина, в оригинале обозначающего конкретный языческий культ, виккан, зародившийся в середине XX в. Прием генерализации позволяет выбрать более удачный вариант, неоязычество, при этом сохраняя комическую абсурдность ситуации.

3. “Change your names to *Thumper and Bambi*, for all I care,” their father laughed. “You people are still going to have to *relocate* from the forest. We’ve made a deal with a nice trailer park down by *the Interstate* for you, and hired a relocation counseling firm to help—”

«Да зовите себя хоть *Пятачком с Винни-Пухом*, мне без разницы», - засмеялся отец. – «Вам, ребята, все равно придется *передислоцироваться* из леса. Мы уже на этот счет договорились с отличным трейлерным парком прямо у *шоссе*, наняли для вас консультантов, чтоб они помогли с...».

В этом абзаце переводчик сталкивается с американскими реалиями: Thumper (Топотун в русском переводе) – имя малоизвестное в российской лингвокультуре, а the Interstate (дорога, соединяющая штаты) вовсе ни о чем не говорит нашему читателю. Чтобы подчеркнуть комический эффект, хорошим решением кажется проведение аналогии между Бэмби и Топотуном, мультипликационными персонажами-друзьями, с общеизвестными Винни-Пухом и Пятачком – те тоже были неразлучными товарищами. Генерализация помогает трансформировать межштатную дорогу в нейтральное шоссе, при этом сохраняя юмор в контексте («трейлерный парк прямо у шоссе»). Поддержанию комического эффекта помогает и специальный термин, «передислоцироваться».

Таким образом, «Гензель и Гретель» – типичный для Дж. Ф. Гарнера пример пародийного рассказа: автор использует множество эвфемизмов (гендерных, экологических, возрастных), оппозиция «протагонист-антагонист» очевидна, так как повторяет сюжет оригинальной сказки братьев Гримм, а главные трудности у переводчика вызывают лишь немногочисленные реалии, поддающиеся модуляции или описательному переводу.

Сказка «Кузнечик и Муравей» представляет собой пародию на басню Эзопа «Кузнечик и Муравьи». В начале текста присутствует множество эвфемизмов, не имеющих аналогов в русском языке, и именно поэтому калькирование, хотя и не всегда представляется удачной трансформацией при переводе текста, подстраиваемого под русскоязычного читателя, в этом произведении будет играть большую роль, чем в других рассказах. Рассмотрим это на примере предложения, с которого начинается рассказ: «In the world of the ancient Greeks, agriculture was still *in a state of advanced rudimentariness*».

Хотя одомашненный перевод, в зачаточном состоянии, выглядит приятнее для глаза русскоязычного читателя, он не передает ироничного оттенка оригинала. Калькирование несколько изменяет форму и помогает прийти к компромиссу: «В мире Древней Греции сельское хозяйство находилось *в состоянии прогрессивной зачаточности*». Вариант кажется удачным потому, что «прогрессивная зачаточность» объясняется в дальнейших предложениях: «The farm ecosystems were diverse and healthy, with indigenous freerange plants and thriving insect colonies sharing space with the domesticated crops. As a result, the fields of wheat and grapes were filled with a variety of vigorous, forward looking, and well-spoken

insects...». В данном случае калькирование оставляет текст понятным русскоязычному читателю, сохраняя необходимый комический эффект: «Фермерские экосистемы были здоровы и разнообразны: в них на свободном выгуле жили коренные растения и процветающие колонии насекомых, разделяющие место обитания с одомашненными сельскохозяйственными культурами. Таким образом, пшеничные поля и виноградники были полны разнообразных насекомых – каждый из них был энергичен, прогрессивен и вежлив».

Растения в рассказе заменяют типичную роль животных (становятся одомашненными, на свободном выгуле), а животные, представленные насекомыми – берут на себя роль протагонистов-людей (энергичны и прогрессивны).

Оппозиция в этой сказке представлена уже описанной ранее формулой «протагонист – антагонист». Кузнечик изображен представителем природного движения, живущего на лоне природы, которого едва ли заботят проблемы современности («he had long ago rejected the bourgeois, money-grubbing concept of “making it”»), в то время как Муравей представлен упорным работником, тратящим силы не столько на благополучие семьи или общества, сколько на свое собственное обогащение («type A personality, he worked himself into a frenzy every day...»).

Учитывая, что стратегия доместикации по Л. Венути считается для нас предпочтительной, было решено провести параллели с историей России и превратить противостояние «хиппи и капиталиста» в пародийный конфликт «социалиста и капиталиста», более понятный русскоязычному реципиенту и отсылающий нас к общеизвестным событиям начала XX в. Для этого было в некоторых местах было решено прибегнуть к аллюзии, в чем нам помогает творчество поэтов Серебряного века (переводческие трансформации: добавление и лексическая замена). Рассмотрим это на примере: “Look at that grasshopper.” the ant muttered to himself. “Sitting around on his abdomen all day, singing his blasted songs. When will he ever show some responsibility? To call him a leech would be an insult to all the hardworking segmented worms in this country...”. Попробуем подчеркнуть образ капиталиста, используя карикатурный образ, известный русскоязычному реципиенту: «Только гляньте на этого Кузнечика», - пробурчал Муравей, *за обе щеки улетая жареного рябчика*, - «весь день он просиживает abdomen, распевая свои проклятые мотивчики. Может, пора уже ему показать хоть каплю ответственности?! Пиявка – это еще мягко сказано, такой лоботряс своим существованием оскорбляет всех честных кольчатых червей, *вкалывающих на моих заводах...*».

Теперь посмотрим, как в нашем переводе преобразовался Кузнечик – честный, но ленивый антропоморфный работник. В отличие от Муравья, типичного капиталиста,

отсылающего к промышленным преобразованиям в России на рубеже XIX-XX вв., Кузнечик имеет и черты героя русских сказок – Емели, добродушного и простого, но не желающего вставать с печи юноши. Взглянем на оригинал и перевод: “Look at that ant.” he mused, “working so hard to accumulate his little store of grain. And for what? If only he would try to be a little more Zen-like. He-might understand that, to the stone, one kernel of grain is the same as one thousand, and the rain never has to worry about its penmanship.” «Вы *только* посмотрите на этого Муравья!», - усмехнулся Кузнечик, *приподнимаясь со старой печи*. - «Столь *вседушно* работает ради такого маленького запаса зерна. И зачем? *Надо б ему попроще к жизни относиться. Так, глядишь, он и поймет, что счастье – оно мимолетно, нужно жить сегодняшним днем... вот случись чего, бедствие какое – и все эти запасы вмиг исчезнут!..*». К изменению образа Кузнечика мы подошли с нескольких сторон. Во-первых, важную роль играет лексикон этого персонажа: он прибегает к церковнославянским (*только, вседушно*) и разговорным (*чего, надо б*) выражениям. Это показывает его простым персонажем, едва ли заботящимся о стандартах речи. Во-вторых, через аллюзию на Емелю (Кузнечик – лентяй, лежащий на символической для русскоязычного реципиента печи) мы пытаемся расположить к себе читателя, продолжая противопоставлять его типичному эксплуататору, Муравью. Несмотря на все его недостатки, Кузнечик остается мирным и доброжелательным.

Муравей, с другой стороны, показан нестабильным, тронутым психическим заболеванием – эта черта, хотя и немного преобразованная, остается при нем и в переводе. Взглянем на то, как этот персонаж реагирует на появление Кузнечика, когда начинается зима, и у того не остается запасов продовольствия: “AAАННН!!! What do you want? What are you doing here? You’ve come to take my cornstalk, haven’t you? I know you’ve been plotting the day when you would snatch away everything I own! Your type are all the same!” В некоторых ситуациях мы снова прибегаем к лексической замене и добавлению, так как считаем, что персонажи в этой сказке раскрываются именно через свою речь: «А-а-ай!!! *Чего* тебе надо?! *Чего* это ты тут делаешь, а? Пришел за моей кукурузой, да? Так я и знал, что ты планируешь прикарманить все, чем я владею! Все вы, кузнечики, одинаковые!». Представляется, что в стрессовой ситуации Муравей начинает реагировать агрессивно, опасаясь за сохранность своих богатств: он, как и Кузнечик, забывает о правильности речи (начинает использовать «*чего*» вместо «*что*»), переходит на крик и задает череду вопросов, на которые не ожидает получить осмысленного ответа. Использование «*все, чем я владею*» вместо «*все, что у меня есть*», нормативного варианта в большинстве ситуаций, связано как раз с капиталистическим происхождением персонажа – такая формулировка подчеркивает его образ «собаки на сене» и еще больше развивает оппозицию «протагонист-антагонист».

Теперь взглянем на то, как образы персонажей описаны в сказке. Посмотрим на Кузнечика и укажем трансформации, использованные при составлении его образа в переводе: «To him, the ideal existence was to enjoy Nature in an unstructured and playfully exploratory manner, and he often took advantage of *His/Her/Its* beneficence by sleeping most of the day. At other times, he would sing joyfully in the meadow, churREEP churREEP, thus keeping alive the rich oral tradition of the grasshoppers». Перевод: «Идеальной жизнью для него было сосуществование с природой. Ему нравилось наслаждаться миром через естественное постигание его прелестей, делая это с игривым, *но неспешным* любопытством – поэтому большую часть дня он *разумно прокрастинировал*. Бодрствуя, Кузнечик беззаботно стрекотал, напевая свои песенки – чик-чик, чик-чик, чик-чик, и тем самым поддерживал устную традицию, передаваемую от кузнечика к кузнечику».

Во-первых, мы прибегли к опущению: эфемистические варианты местоимений не имеют аналога в русском языке, а, кроме того, представляется, что западный дискурс на эту тему, хотя и последние несколько лет играет большую роль в англоговорящих странах, русскоязычному читателю может быть просто незнаком. Так как комический эффект, в оригинале поддерживаемый местоимениями, уходит на второй план, было принято решение компенсировать это, прибегнув к добавлению: Кузнечик постигает мир с «неспешным» любопытством, а большую часть дня он «разумно прокрастинирует». Соответственно, именно через образ лентяя, скрашенного собственными ремарками, мы связываем автора с читателем.

Образ Муравья в нашей интерпретации претерпел более очевидные изменения. Обратим внимание на абзац, в котором описывается антагонист: «The ant, a quintessential *type A personality*, worked himself into a frenzy every day, but his selfish and socially irresponsible activity took its toll. He developed a peptic ulcer, had some scares with thorax pains, and lost most of the hair on the top of his head...». Переводчик при работе с этим абзацем сразу определяет трудность: представленная в рассказе классификация типов личности (*type A and type B*) малоизвестна нашему реципиенту. Более того, политкорректный термин *personality* оказывается непереводим – а излишнее использование «индивида», замещающего этот термин в большинстве других сказок Гарнера, на наш взгляд лишает рассказы уникальности, поэтому мы решили избрать иной подход – сделать акцент на образе обезумевшего, полностью погруженного в дела персонажа. Так как в переводе образы протагониста и антагониста отличаются от оригинала, было решено прибегнуть к описательному переводу: «Муравей, *будучи фанатичным трудолюбом*, продолжал стремиться к успеху: каждодневно он работал до изнеможения, но такое эгоистичное и безответственное занятие сказалось на его облике». Кроме того, было решено представить

другие изменения во внешность Муравья – для этого мы использовали стихотворения некоторых поэтов, например, В. В. Маяковского, «Лицо классового врага», которое помогло создать образ типичного капиталиста. Таким образом, юмористический эффект, потерянный из-за описания конкретных проблем со здоровьем, компенсируется колоритной и хорошо знакомой читателю картинкой буржуа, физические проблемы которого представляются менее очевидно, чем в оригинале: «Под цилиндром его теперь виднелись лысинные целины, распухший торакс сильно болел, а толстый абдомен скрывал за собой язву желудка...».

Стоит отметить, что Муравей на протяжении всего момента делает комментарии и заявления, характерные для карикатурного представителя господствующего класса, обращающегося к обычному работнику. Взглянем на некоторые из них: «That's how a free market works, pal. Take a lesson», «*What's the sound of one bug starving?* На, ha!». Так как этот персонаж изначально играет роль антагониста, в переводе было решено сохранить агрессивный настрой, практически не отклоняясь от оригинала: «Вот так и работает свободный рынок, приятель. Учись!». Тем не менее, вторую фразу, являющуюся аллюзией на риторический вопрос учения дзен, было решено изменить, так как в переводе образ Кузнечика отстранен от философских учений и больше похож на героя на печи из русских сказок. Мы постарались отразить это и в переводе, при этом не забывая и о капиталистической натуре Муравья: «Скажи-ка, а если я тебе пообещаю гостинцев, ты, может, просто будешь... *сыт моими обещаниями?* Ха-ха-ха!».

Теперь посмотрим на концовку истории в оригинале: «...suffice it to say that the greedy insect's hoard was appropriated and put to more responsible community uses after he was *enrolled in the correctional system*». Как видно, такая развязка полностью соответствует одомашненному образу антагониста, который мы создаем в оригинале. Представляется, что ее можно оставить без значительных изменений: «...достаточно сказать, что накопленные годами сокровища жадного насекомого были экспропрированы и переданы в ведомство более ответственных членов общества после того, как Муравей *стал частью коррекционной системы*».

Таким образом, рассмотрев сказку «Кузнечик и Муравей» – на наш взгляд, самую сложную для доместикации из представленных в книге, – мы заключили, что оппозицию «протагонист-антагонист» можно поддерживать даже со значительными преобразованиями: так, Емеля-Кузнечик остается верен своему оригинальному образу бездеятельного дзен-буддиста, при этом оставаясь понятным русскоязычному реципиенту, как и капиталист-Муравей, немного измененный благодаря образу, установившемуся в сознании жителей постсоветского пространства. Кроме того, представленная нами

оппозиция «протагонист-антагонист» не отходит от оригинальной идеи Дж. Ф. Гарнера: положительный герой, изначально способный расположить к себе читателя, обладает такими же отрицательными чертами, как и его противник, Муравей. Обратим внимание на то, что именно в переводе этой сказки мы прибегли к наибольшему количеству трансформаций и художественных изменений: с лингвистической точки зрения мы часто прибегали к добавлению, опущению и лексическим заменам, с литературной – к аллюзиям.

«Принцесса на Горошине», интерпретация сказки Ганса Христиана Андерсена, богата на сексуальные и гендерные эвфемизмы – это произведение Дж. Ф. Гарнера не представляет значительных трудностей при переводе, так как большинство терминов известны реципиенту, в то время как остальные политкорректные единицы переводятся по известной модели типа «-challenged».

Мать и ее сын, принц, ищущий свою суженую, в этой работе изначально обладают характерными чертами антагонистов. Рассмотрим описание королевской семьи подробнее: «In a kingdom over the hills and far away, there lived a young prince who was very full of himself». Это один из примеров использования дисфемии, который будет повторяться по ходу рассказа при описании отрицательных персонажей, как, например, в этом предложении: «It was not enough for him to have been born into a life of parasitical leisure and to keep the masses firmly under the heel of his calfskin boot». Подобные предложения не требуют особого подхода или применения сложных переводческих трансформаций – образ праздного дворянства сохраняется при практически дословном переводе, так как характеры персонажей изначально гиперболизированы и абсурдны: «Не хватало ему того, что он и так до этого вел жизнь досужего паразита, строго держащего крестьянские толпы под каблуком сапога из опойка». Как видно из перевода, изменения минимальны: было использовано добавление, призванное уточнить, о каких массах идет речь (образ, похожий на Муравья из «Кузнечика и Муравья»; типичный монархист в сознании жителя постсоветского пространства обычно ассоциируется с угнетением крестьянства и рабочих). Это типичный пример описанной ранее оппозиции «эвфемия – дисфемия»: политкорректные герои, т.е. протагонисты, всегда описываются мягкими, обтекаемыми терминами, в то время как антагонисты показаны нетерпимыми и обычно уродливыми. Как уже отмечалось, эта оппозиция прозрачна, на ней строится ирония и комический эффект: в конце каждой сказки узнается, что положительных героев нет ни с одной стороны.

Связь с оригинальным произведением тоже приобретает политкорректный характер. Мать принца кладет десять футонов и десять перин с гусиными перьями, под которыми скрывается горошина, как и в оригинале, но комментарий промокшая под дождем гостя дает иной: «First of all, the bed was piled high with eiderdown quilts. Barbaric! How could I

sleep, thinking of the poor geese who unwillingly surrendered their feathers for my comfort?».

Перевод высказываний персонажа не представляет проблем – возможно использование калькирования, т.е. эвфемизм «to unwillingly surrender» превращается в «невольно отказались».

Главную же сложность для переводчика в этой сказке представляет именно физическая лексика: принц, представляя свою избранницу, описывает ее характеристики, и каждый из параметров оказывается труднопереводимым эвфемизмом. Рассмотрим этот пример: «*Heavily or lightly pigmented, vertically or horizontally challenged, cosmetically attractive or differently visaged—he cared not a whit*». Термины, представленные в оригинале, не имеют полных аналогов в русском языке, поэтому нами было решено сочетать калькирование (в случае с пигментацией кожи) и описательный перевод, рекомендуемые при переводе биоэквивалентной лексики. Так, в этом случае юмористический эффект будет строиться на абсурде, т.е. насаивании политкорректных терминов (при этом понятных читателю), противоречащих здравому смыслу и выглядящих совершенно нелепыми даже для пародии. Это кажется хорошим решением и потому, что мы берем в расчет характер принца: гедониста, использующего малопонятные, странные выражения. «И не волновало его, *сильная ли у избранницы пигментация кожи, что у нее с вертикальными и горизонтальными пропорциями*, привлекательна она с косметической точки зрения или же ее лик отличается своими особенностями».

В предложении, следующем сразу же после, переводчику вновь приходится задуматься о возможных вариантах передачи таких терминов, как *wommon* и *persunal*: «His only criterion was the royal authenticity of a *wommon* who could share his regal delusions of privilege and *persunal* worth». Вновь отметим, что, учитывая российскую лингвокультуру, какое-либо изменение слова «женщина» кажется нелепым для реципиента, так как, во-первых, в России начала XX в. женщины обладали прогрессивным по меркам того времени набором прав, а, кроме того, в русском языке просто никогда не была такого прецедента, как иное наименование женщины. В случае с «*persunal*» мы продолжаем использовать «индивидуальный» – слово, своей официальностью часто подходящую под контекст пародийного произведения, – но в приведенном предложении оно не подходит контекстуально, т.к. выражение «*personal worth*» имеет два значения в английском языке: «собственное достоинство» (т.е. *self-esteem*) и «личные накопления» (т.е. *money and possessions*). Так как оба выражения закрепились в русском языке, их изменение кажется нелогичным. Вместо этого комический эффект можно компенсировать другими способами. Взглянем на перевод: «Единственным необходимым качеством была истинная царственность суженой, готовой всецело окунуться в их совместную жизнь, построенную

на типичных королевских столпах: *мании величия и золотых горах*». Мы прибегли к контекстуальным заменам, чтобы изменить оригинальное выражение на более колкое, отражающее сущность антагонистов по принципу «эвфемия – дисфемия», при этом не отходя от оригинальной идеи.

Этот рассказ интересен еще и тем, что сюжетным поворотом в нем оказывается расстройство личности, преследующее принцессу. Хотя политкорректная лексика, касающаяся этого момента, минимальна, стоит отметить, что автор представляет эту болезнь как нечто положительное: иногда принцесса становится Лифдалом, викинггом, захватывающим королевский замок, а через некоторое время – святым Жилем, отрицающим все мирские богатства. Посмотрим на последний абзац сказки: «The “princess” and the prince were married the second Tuesday following in accordance with her metaphysical timetable, and they had a very happy honeymoon, especially during certain transformations». Разумным решением представляется закончить ее как типичную сказку, добавив элемент доместикации, намеренно измененный для пародии на политкорректность: «И вот, «принцесса» и принц поженились во второй вторник этого месяца, следуя метафизическому расписанию избранницы, и медовый месяц у них был просто великолепным – особенно в то время, когда проявлялись определенные личности. *И стали они жить-поживать и личностей наживать*».

Из сказанного можно заключить, что сказка «Принцесса на горошине» за авторством Дж. Ф. Гарнера представляет собой типичное для писателя произведение, строящееся на уже определенных нами оппозициях. Хотя оно не отличается уникальными эвфемизмами или обилием трудно- или непереводаемой лексики, мы подробно разобрали некоторые частотные моменты: например, трансформацию политкорректных терминов *womtom* и *persunality*. Кроме того, сказка показывает, что комический эффект строится не только на использовании оппозиции «эвфемия – дисфемия», но и поведении персонажей, их характерах и образах, играющих в пародии, пусть даже на политкорректность, особенно важную роль. Именно поэтому мы считаем стратегию доместикации, позволяющую наладить связь героев и русскоязычного реципиента, особенно важной при переводе «Once Upon a More Enlightened Time».

Нам хотелось бы обратить внимание на еще одну сказку, «Черепашу и Зайца», основанную на одноименной басне Эзопа. В отличие от оригинального произведения, она занимает несколько страниц и повествует о полноценной гонке между двумя персонажами, обставленной в современном антураже. Трудности в переводе этой пародии вызывает множество аллюзий на различные явления нашего мира: девизы брэндов, названия должностей и типичные ежедневные события.

Интересно, что оппозиция «эвфемия – дисфемия» проявляется, пожалуй, наиболее ярко именно в этой сказке. Взглянем, как Заяц обращается к Черепахе: “Hey, *low-rider*,” he said, “I bet you can make extra money (huff-huff) *renting yourself out as a paperweight* (huff-huff, preen-preen)!”. Представляется, что huff-huff и preen-preen пародируют звуки автомобильного двигателя или выхлопной трубы. В русской письменной речи они смотрятся некрасиво, хотя и играют важную роль для создания полноценного образа быстрого, непримиримого и дерзкого бегуна, поэтому наш вариант перевода выглядит так: «Эге-гей, ты, *с низкой посадкой!*», – сказал Заяц, *выдыхая с надутыми щеками так, что некоторые его слова больше походили на звук разгоняющейся машины.* – «Ты б-б-бы мог неплохо подзаработать, заменив на чем-нибудь столе *пр-р-ресс-пань!*». Слово lowrider в английском языке обычно обозначает автомобиль с низкой посадкой. Учитывая, что Заяц воплощает в себе образ типичного уличного гонщика, помешанного на машинах, было решено прибегнуть к описательному переводу, позволяющему в контексте использовать вариант «ты, *с низкой посадкой*» – достаточно лаконичный и хорошо смотрящийся в контексте. Кроме того, звуки, в оригинале указанные в скобках, в нашем переводе становятся естественной частью речи героя, пародируя выхлопы (б-б-бы) и рев двигателя (пр-р-ресс). Учитывая, что речь обоих персонажей должна раскрывать указанную нами ранее оппозицию «эвфемия – дисфемия», более живая речь, при этом не противоречащая оригинальной задумке, изначально представляет Зайца антагонистом: слишком резким, агрессивным и использующим «неполиткорректную» лексику.

Рассмотрим ответ Черепахи: “Thank you for the advice, my velocity-fortified friend. I can’t see how gauntlet abuse has anything to do with me,” said the tortoise, who had apparently achieved slowness in more than one aspect of his character. “I enjoy my inertia and would rather just sit and watch the world go by”. Учитывая, что автор в оригинале подчеркивает неторопливость черепахи через ее описание, нами было решено, как и в случае с Зайцем, перенести этот аспект героя в прямую речь. Также отметим, что эвфемизмы «velocity-fortified» и «I enjoy my inertia» не представляют для переводчика трудности: в случае с первым мы использовали описательный перевод, в случае со вторым – калькирование. Разберем наш вариант: «Благодарю тебя за... совет, *мой наделенный даром скорости друг*, но я... понятия не имею, как меня вообще касается насилие над перчаткой», – сказала Черепаха, медлительность которой, судя по всему, проявлялась в разных аспектах ее характера. – «*Меня устраивает моя инерция...* и я бы просто хотела отдохнуть, пока *мир проплывает мимо меня...*». Во-первых, в переводе речь Черепахи становится полна пауз, чтобы реципиент, читая реплики персонажа, проводил границу между молниеносным Зайцем и его соперником, так как представляется, что юмористический эффект основан в

том числе и на контрасте. Более того, мы заменили выражение «watch the world go by» на более подходящее по смыслу, «мир проплывает мимо меня», тем самым подчеркивая, что даже обстановка вокруг героя тянется медленно и неспешно.

Выделим фразы и предложения, представляющие трудность для переводчика по ряду причин. В ходе повествования Лис, получивший звание «*Commissioner of Kinetic Wellness and Overland Velocity Contests*», должен выбрать путь, установить длительность гонки и заняться вопросами маркетинга. Эта «политкорректная» должность действительно имеет аналог в США – там участники таких комиссий называются «*Racing Comissioners*». Учитывая, что в российской лингвокультуре спортивные организации обычно называются федерациями (Федерация гонок с препятствиями, Федерация лыжных гонок и др.), представляется разумным решением изменить в переводе должность персонажа на соответствующую: «Черепаша и Заяц согласились с назначением Лиса на должность Председателя Федерации Кинетического Комфорта и Сухопутных Скоростных Соревнований». На наш взгляд, получившийся вариант прежде всего хорошо вписывается в нашу лингвокультуру и вместе с тем, благодаря возникшей в переводе аллитерации, звучит комично.

Теперь обратим внимание на аллюзии, появляющиеся в этой сказке. Среди них как отсылки к названиям и девизам – «*Iron Animal*», «*Just Jump It*», – так и намеки на освещение событий в СМИ: «*There was some talk about adding hiking and swimming meets to the footrace, but it was decided that interest in such an “Iron Animal” competition wouldn’t be as high*». *Iron Animal* – аллюзия на *Iron Man*, триатлон, ежегодно проходящий в США и предполагающий участие в трех разных соревнованиях: заплыве, заезде на велосипеде и марафонском забеге. Проблема с переводом в данном случае в том, что те названия и слоганы, к которым отсылают аллюзии в работе Дж. Ф. Гарнера, на русский не были переведены: *Just Do It*, известнейший девиз компании Nike, и *Iron Man* остаются неизменными, поэтому мы встаем перед выбором: или оставить эти единицы неизменными, надеясь на то, что реципиент самостоятельно догадается об аллюзии, или представить их в ином виде при помощи трансформаций. Хотя мы рассчитываем, что современный читатель хорошо знаком с поп-культурой и международными соревнованиями, мы все же обращаемся к доместикации, чтобы расширить сделать текст понятным для большего круга читателей. Более того, доместикация объясняется еще и психологией читательского восприятия: даже если читателю хорошо известна американская поп-культура и спорт, они вряд ли могут быть связаны с таким же массивным пластом ассоциаций, как элементы самой принимающей культуры, и поэтому потенциал для порождения юмористического эффекта окажется ниже. Взглянем на получившийся вариант: «Поговаривали и о том, чтобы

включить в гонку туристское многоборье и плавание, но потом решили, что от такого *сурового выбора* интерес публики в состязании только упадет». Взглянем и на пример с выражением Just Jump It: «The hare zealots—generally more youthful animals who were impressed solely by style, speed, and hipness—strutted around in specially licensed T-shirts with the slogans “Just Jump It” and “Rabbitude!”». Здесь мы тоже прибегнем к доместикации, используя прием генерализации: «Рьяные фанаты Зайца – в основном представленные молодыми животными, впечатленными стилем, скоростью и модностью своего кумира, – толпились, одетые в фирменные футболки, *пестрящие всемирно известными слоганами*». Такое решение представляется удачным, так как образ фанатов остается верен оригиналу; при этом мы избегаем возможного непонимания слоганов. Разумным вариантом представляется и использование популярных русских слоганов, укоренившихся в сознании реципиента – например, «Бери от жизни все», неплохо передающий настроение Зайца и его фанатов. Отказ от какой-либо интерпретации «Just Jump It» связан с тем, что его оригинал, «Just Do It», на русский не переводился, поэтому большинство трансформаций кажутся неудачными.

Обсудим и непосредственно эвфемизмы, которые появляются в сказке. Среди них, например, можно заметить и классические, легко переводимые примеры: «...and out stepped the hare, with a starlet on each arm and surrounded by four beefy bodyguards (or *animal protection professionals*, as they preferred to be called). The rowdier elements of the crowd tried to get close to the hare, but his *muscular interdiction force* kept them at bay». В данном случае оба выражения обозначают телохранителей Зайца; в обоих случаях они построены по образцу (прил.) + сущ. + сущ., как и большинство «престижных» политкорректных единиц – например, «cleaning manager». Такие обороты переводятся на русский язык легко благодаря достаточной теоретической проработанности и наличию аналогов в современной лингвокультуре. Представим наш вариант: «...из машины вышел Заяц, с обеих сторон сопровождаемый старлетками. Он тут же оказался в окружении четырех огромных телохранителей (или, учитывая их предпочтения в названии, профессионалов по защите животных). Самые смелые из толпы фанатов попытались подобраться к своему кумиру, но мускульная сила, ограждающая Зайца, удерживала их на месте». В первом случае мы использовали прием калькирования, наиболее подходящий для выражений такого типа, во втором – модуляцию. Не совсем понятно, что именно имел в виду автор, используя выражение *muscular interdiction force* – непосредственно «мускульную силу», т.е. метонимию для «телохранителей», или же непосредственно отряд, обладающий значительной силой, поэтому мы использовали нейтральный вариант, подходящий для контекста.

Отметим, что в этой сказке встречаются и более «изящные» эвфемизмы, понятные представителям большинства культур. Так, в следующем предложении мы видим отсылку к т.н. «призерскому месту»: «The hare ran as fast as he could, but he couldn't pass the tortoise in time and had to settle for "*finishing almost fastest*"». Несмотря на очевидную эвфемию, перед переводчиком предстает выбор: стоит ли переводить представленную единицу как «призерское место», или все же использовать иной, более комичный вариант. Учитывая, что слово «призер», скорее всего, не воспринимается носителями русского языка как политкорректное выражение, хотя и является таковым, мы выбрали иной подход: «Заяц бежал так быстро, как только мог, но он не смог обогнать Черепаху – ему пришлось довольствоваться призом за «финиширование практически быстрее всех». Несмотря на то, что мы прибегли к приему форенизации, это решение представляется разумным именно из-за его понятности: т.к. «призерское место» даже в контексте не передает настроение оригинала, калькирование подчеркивает иронию, с которой Гарнер относится к современным реалиям.

Можно сделать вывод, что рассказ «Заяц и Черепаха», осовремененный в понимании Дж. Ф. Гарнера, представляет собой пародию сразу на несколько явлений: поп-культуру, спорт, образ человека нашего времени. Трудно- и непереводаемая лексика, присутствующая в сказке, будут учтены в таблице, приведенной в конце практической части работы.

Последняя сказка, которую мы проанализируем, тоже основана на басне Эзопа, «Мышь полевая и мышь городская», в интерпретации Гарнера получившая современное название «The City Mouse and the Suburban Mouse» (т.е. «Мышь пригородная и мышь городская»). Это произведение интересно тем, что универсально для любой культуры: оно покрывает такие общие темы, как различие взглядов, разница между городом и селом, человеческие отношения. Тем не менее, мы решили немного изменить завязку произведения, сделав ее более интересной для российского реципиента: пригород мы заменили на деревню, так как та играет в нашей культуре гораздо большую роль, чем пригородные районы, поэтому оппозиция произведения сменится на «большой город – деревня».

Юмористический эффект здесь создается не только при помощи, рассмотренных ранее приемов, но и благодаря классическим решениям вроде аллюзий – например, Гарнер иронизирует над одинаковыми или похожими названиями пригородов: «After several hours of searching through *the Valley Dales and Dally Vales, the Nettle Brooks and Breton Nooks*, by sheer luck he found his friend's address». К счастью, русская культура тоже богата на одинаковые названия – обычно они произведены от имен. Взглянем на получившийся перевод: «И вот, спустя несколько часов, проведенных на улицах *Александровок*,

Михайловок и Ивановок, он по счастливому стечению обстоятельств нашел дом своего друга».

Стоит отметить, что мы изменили и культурные особенности, характерные для американского быта. Оригинал выглядит так: «He'd laid out a sizable feast for his guest—*macaroni and cheese, creamed corn, even Jell-O salad with mandarin orange wedges*». Очевидно, что ни макароны с сыром, ни жележный салат нашему читателю ничего не скажут. Наш вариант выглядит так: «А своему гостю он представил богатый ужин: *кашу с маслом, парного молока к ней, свежих овощей прямо с грядки...*». Так как юмористический эффект строится на контрасте, хорошо знакомому реципиенту, именно он будет краеугольным камнем при переводе пародии в этой сказке.

Интересны и настоящие политкорректные единицы, встречающиеся в этом произведении – некоторые из них имеют полные аналогии в русском языке. Оригинал в данном случае выглядит так: «On the way home, in front of the tropical pet and retread tire store, a pair of unlicensed sex workers tried to engage them in conversation». В современном русском языке известен калькированный вариант, «секс-работницы», получивший широкое распространение в СМИ. Учитывая, что для русскоязычного реципиента это выражение воспринимается именно как эвфемизм, калькирование кажется успешным вариантом: «По дороге домой, как раз перед магазинчиком, продававшим экзотические товары и отремонтированные шины, *парочка нелицензированных секс-работниц* попыталась завязать с ним разговор».

Уделим внимание и характерной фразе, которую часто говорит своему «сельскому» другу городская мышь: “Ah, fuhgetabouddit!”. Каждый раз, когда пригородная мышь сталкивается с какой-то проблемой в городе – например, в случае, когда его ограбили, -- его городской товарищ лишь пожимает плечами и говорит, что беспокоиться не стоит. На русский язык это можно перевести контекстуально: частичный аналог «Ай, забудь об этом!» звучит хорошо, но, как нам представляется, не совсем передает авторскую задумку. Наш вариант выглядит так: «Да и пес с ним!». Он подчеркивает беззаботность городской мыши не только в жизни, но и в речи – выражение несколько вульгарно и, как и оригинальное, используется лишь в разговорной речи.

Интересно и то, как некоторые эвфемистические выражения в оригинале изменяются из-за образа героев-мышей: выражение «to come out of the closet» принимает форму «*I'm coming out of the wainscoting*», когда пригородная мышь решает признаться в своей гомосексуальности. Хотя в русском языке расхожим термином стал «каминг-аут», его использование в данной ситуации просто не подходит – более того, оно не помогает в создании юмористического эффекта. Мы предлагаем следующий вариант: «*Я, в общем...*

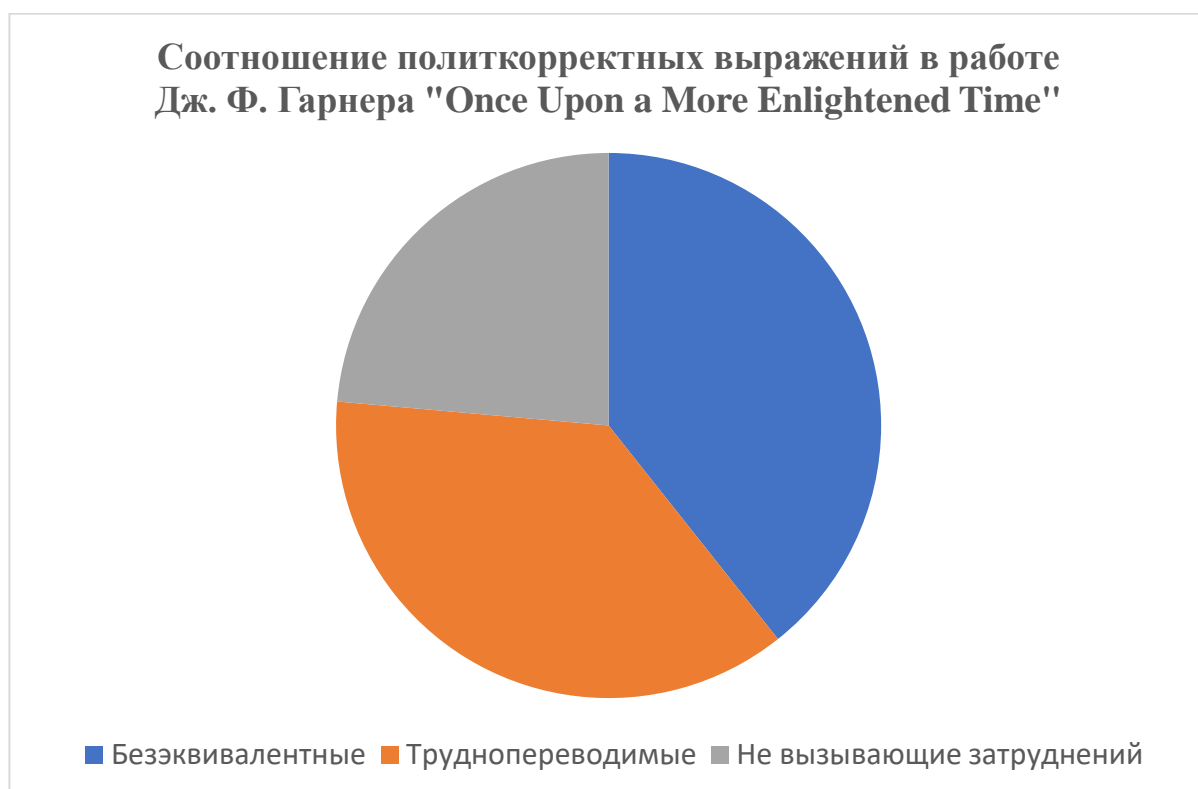
решил... ну, выйти из подполья». Использование контекстуальной замены, превращающей одну эвфемистическую метафору в другую, кажется удачным решением и потому, что оригинальный диалог, следующий после этого, хорошо сочетается с предложенным переводом: “You’ve what?” asked the city mouse. “I’m attracted to other mice,” he said.

Построенный на басне Эзопа рассказ «Мышь полевая и мышь городская» позволяет переводчику, пожалуй, изменить повествование в гораздо большей мере, чем в других произведениях Дж. Ф. Гарнера. Связано это в первую очередь с потенциальной близостью темы для русскоязычного читателя, так как конфликт «город – деревня» является основополагающим не только для множества сюжетов нашей литературы, но и для русской культуры в целом. Некоторые фразы и термины, встречающиеся в сказке, можно считать труднопереводимыми в том числе и потому, что для реципиента они не несут никакой смысловой нагрузки (например, *Jell-O Salad*). Соседство эвфемизмов с большим количеством реалий американского общества приводит к тому, что перевод произведения требует подхода и с литературной точки зрения: необходимость более подробного анализа, нахождение аллюзий и других стилистических приемов, подбор контекстуальных замен, вписывающихся в российскую культуру.

Проанализировав сказки в работе Дж. Ф. Гарнера и представив некоторые варианты перевода, можно указать еще два результата проделанной работы: график, показывающий соотношение безэквивалентных политкорректных выражений, труднопереводимых выражений и выражений, не представляющих трудности для переводчика, а также измененную таблицу трансформаций для труднопереводимых эвфемистических выражений.

На представленном можно увидеть соотношение политкорректной лексики во всех сказках, представленных в работе Дж. Ф. Гарнера. Общее количество единиц – 89, среди них: безэквивалентные – 35, труднопереводимые – 33, не вызывающие затруднений – 21. График составлялся по следующему принципу: к безэквивалентной лексике относились эвфемизмы, не имеющие полного аналога в русском языке; к труднопереводимым – имеющие лишь частичный аналог; не представляющим трудности – обычно имеющие полные аналоги.

Диаграмма 1. Соотношение эфемистических выражений в работе Дж. Ф. Гарнера «Once Upon a More Enlightened Time»

Объясним это на примерах. К безэквивалентной лексике относятся, например, такие выражения, как *womton*, *persun*, *zen-like*. При переводе подобных слов обычно необходимы или описательный перевод, или контекстуальная замена, но вспомним и уникальные случаи, когда эти трансформации просто невозможны или смотрятся нелепо: например, слово *womton*, в российской лингвокультуре не находящее даже приблизительного аналога, или *sorceron* (гендерно-нейтральное для *sorcerer*, чародея), отсылающее к политкорректному названию профессии официанта, *waitron*, но в русском языке не наблюдается тенденция отказа от маскулинитивов и феминитивов – напротив, он даже перенимает такие слова, как *хостес*, хотя в английском эту профессию сейчас принято называть *promotional model*. На наш взгляд, правильным решением для переводчика будет компенсировать отсутствие эфемизма, в русском языке сохраняющего изначальную форму, *женщина* или *чародей*, изменениями или добавлениями других лексических единиц.

Кроме того, к безэквивалентной лексике можно отнести и политкорректные изменения единиц, характерных лишь для одного языка – так, например, в сказке «Puss in the Boots» выражение *to spill the beans* изменяется в *to spill the legumes*, т.е. буквально «раскидать бобовые». В данном случае мы предлагаем переводчику сделать следующее: оттолкнуться от антонимического перевода так же, как это можно было сделать при переводе оригинальной фразы, т.е. трансформировать идиому в «молчит как рыба», но,

учитывая юмористический контекст, заменить *рыбу* на *водное позвоночное* (т.е. перейти на один уровень классификации выше так же, как это произошло в оригинале с *beans* → *legumes*). Взглянем на оригинал: «...his master was so cerebrally undercapitalized as to spill the legumes at his own victory party». Перевод: «...его хозяин был настолько церебрально ограничен, что даже на своем приеме по случаю победы не стал молчать как водное позвоночное».

Наконец, добавим, что такие слова как *colorist*, *heightist*, *speciesist*, хотя и строятся по продуктивной модели *-ist*, на текущий момент тоже можно отнести к безэквивалентной лексике по причине того, что лишь некоторые термины, обозначающие людей с преубеждением против кого-либо, достаточно закрепились в русском языке, чтобы быть по меньшей мере понятными для реципиента (среди них, например, *расист* и более современное *лукист*). При работе с произведениями Дж. Ф. Гарнера мы переводили их описательно, но при этом старались поддерживать комический эффект, характерный для пародии, например: «...were looking for a white knight (*colorist* though such concepts are) on a tall fiery charger (*ditto heightist and speciesist, not to mention quite Eurocentric overall*)». Мы изменили синтаксическую структуру предложения так, чтобы текст выглядел органично: «и искали они белого рыцаря – хотя, конечно, при этом не имели никакого преубеждения против других цветов, – на большом огненно-красном скакуне – но тут, надо признать, вышло немного оскорбительно по отношению тем, кто имеет иной рост или представляет другой вид... да и по-европоцентристски как-то».

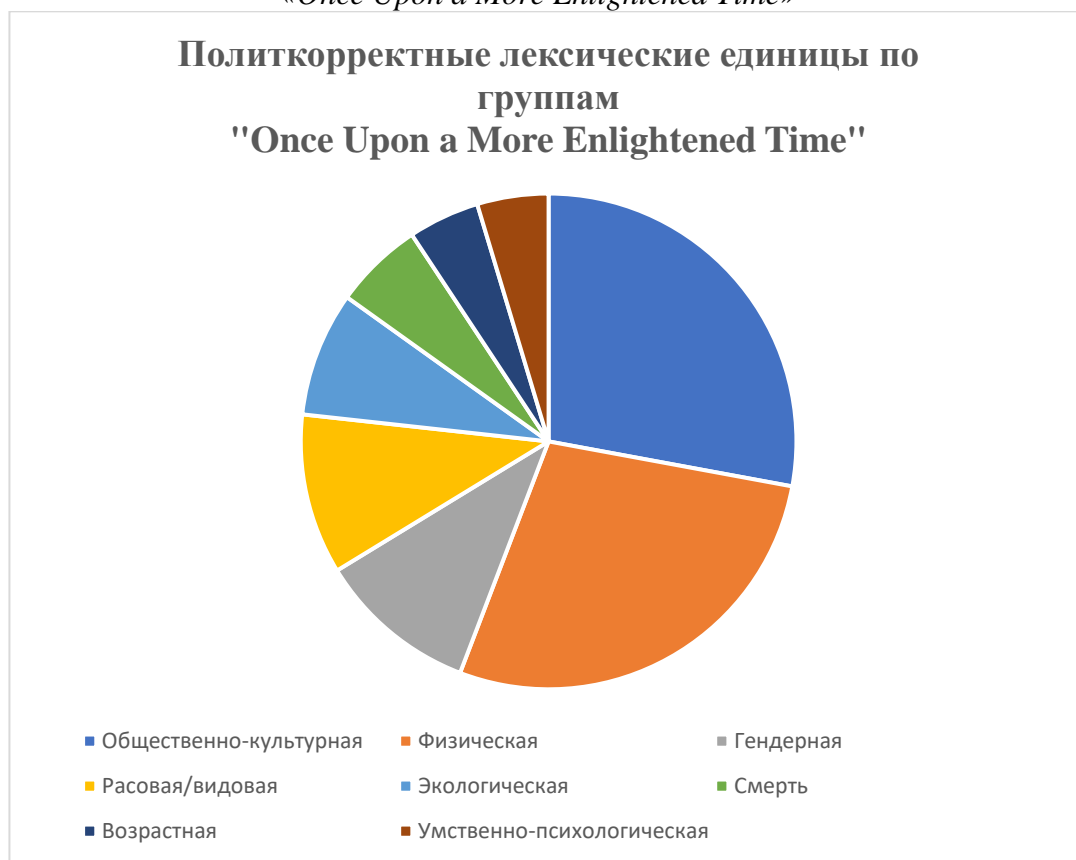
Труднопереводимая лексика в рассматриваемой работе представлена такими выражениями, как *economically disadvantaged*, *domestic engineer*, *temporarily advanced*, *Wiccan*. Первые три примера строятся по продуктивным моделям (наречие + прил., прил. + сущ.), но имеют в русском языке лишь частичные аналоги, *Wiccan* представляет собой пример термина, который можно удачно перевести генерализацией, хотя для труднопереводимой лексики обычно используется модуляция – *неоязычник*.

К эвфемистическим выражениям, не представляющим трудности, можно отнести *Our Mother*, *inadequate wellness*, *unlicensed sex workers*. Большинство из них имеют полные аналоги в русском языке, поэтому для их перевода часто применяется калькирование (*Мать-Природа*, *несоразмерное богатство*, *нелицензированные секс-работницы*), которое в контексте не выглядит чужеродно и не нарушает наш в общем доместикационный подход к переводу «*Once Upon a More Enlightened Time*».

Выводы по 2 главе

Исследование работы Джеймса Финна Гарнера «Once Upon a More Enlightened Time» привело нас к разделению политкорректной лексики, найденной в каждой из представленных в ней сказок, на восемь семантических групп: возрастную, общественно-культурную, экологическую, гендерную, физическую, расовую/видовую, умственно-психологическую, а также эвфемизмы, обозначающие смерть. Соотношение можно увидеть на представленной ниже диаграмме:

Диаграмма 2. Политкорректные лексические единицы в работе Дж. Ф. Гарнера «Once Upon a More Enlightened Time»

Отметим, что больше половины эвфемизмов в работе относятся или к общественно-культурной, или к физической лексике – это ожидаемо, так как, в отличие от «Политкорректных сказок на ночь», в этой книге автор уделяет внимание проблемам общества в целом: в сказках стало гораздо больше аллюзий и прозрачных отсылок к явлениям современного мира. Гендерная эвфемия, получившая широкое освещение в прошлом произведении, в «Once Upon a More Enlightened Time» насчитывает всего девять единиц. Кроме того, мы посчитали разумным решением сократить количество категорий (ранее их было 11), чтобы точнее отразить соотношение эвфемизмов, избавившись от незначительных групп или объединив их с другими. Также мы добавили еще одну группу

– эвфемизмы, обозначающие смерть, так как, во-первых, их можно отнести к «традиционной политкорректности», преобладающей в большинстве культур, а, более того, их количество в произведении позволяет это сделать.

Уделим внимание самым крупным группам ПК единиц. К общественно-культурным эвфемизмам мы отнесли те слова и выражения, которые связаны с традициями, престижем, профессиями, социальным положением (*sex-care providers, Wiccan, to enslave in matrimony*). Физическая лексика представлена терминами, обозначающими внешние данные человека, его болезни и недостатки (*cerebrally undercapitalized, ruggedly handsome, the optically challenged*). Наконец, гендерная лексика направлена на размытие границ между мужским и женским, нейтрализацию полового различия в тексте, отказ как от феминитивов, так и маскулитивов (*sorceron, persun, spousal lifemate*).

Отметим, что при анализе и выборе собственных вариантов перевода мы придерживались стратегии доместикации, предложенной Л. Венути, по нескольким причинам: прежде всего, в переводе пародии, ориентированной на западного реципиента, важно сблизить русскоязычного читателя и автора – к счастью, это возможно не только благодаря всеобщей популярности сказок, но и удачному использованию трансформаций, характерных для стратегии (описательный перевод, лексико-семантические замены и др.). Интересно, что калькирование, обычно характерное для форенизации, может послужить и в доместикации, не разделяя автора и читателя – например, в случае с переводом *sex-care workers*, имеющих полный аналог в русском языке. Вспомним, что перевод политкорректных сказок на русский язык облегчается также и тем обстоятельством, что, несмотря на значительно меньшую разработанность (в релевантных для них областях) политкорректной лексики в нашем языке по сравнению с английским, знакомство реципиента с самим феноменом политической корректности и с определенными моделями образования политкорректных лексических единиц делает возможным пародийное «обыгрывание» в русском тексте примерно того же спектра социокультурных явлений, что и в оригинале. Таким образом, в представленном выше можно обнаружить некоторые из ключевых специфических черт перевода на русский язык англоязычных пародий на феномен политкорректности.

В конце второй главы мы также представили график, показывающий соотношение политкорректных выражений, встречающихся в книге, по сложности их перевода: безэквивалентные, труднопереводимые и не представляющие трудности для переводчика. К безэквивалентной лексике относятся выражения, не имеющие даже приближенного аналога в русском языке; иногда они построены на лексических изменениях внутри слова, как в случае с *wotmon*. Труднопереводимая лексика обычно представлена словами,

имеющими типичное для эвфемизмов словообразование через продуктивные аффиксоиды -challenged, -free и др., часто имеющие лишь частичный аналог в русском языке. Наконец, у каких-то элементов есть полное соответствие, поэтому есть возможность полностью их калькировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, направленное на изучение политкорректности как в социальном, так и переводческо-литературном аспектах, выявило ряд важных особенностей, касающихся этого феномена.

Было установлено, что политкорректность на Западе изначально представляла собой либеральное направление американской политики (отсюда и название), культурно-поведенческую и языковую тенденцию. Картина политкорректности специфична и варьируется в разных частях мира. Политкорректность в России постепенно развивается благодаря работе СМИ, но при этом словарный запас россиянина в области политкорректных терминов представляется довольно ограниченным, что косвенно влияет на работу переводчика и выбираемые им способы и стратегии при работе с политкорректными лексическими единицами.

В английской лингвокультуре политкорректность влияет не только на словарь, но и грамматику. Представляется, что эвфемия со временем оказывает эффект сама на себя – это было показано на примере нескольких цепочек «эволюции эвфемии», например: *illegal alien* → *illegal immigrant* → *undocumented immigrant* → *unauthorized immigrant / undocumented worker*. Так, с исторической точки зрения эвфемизмы мутируют из-за стремления людей выбрать еще более политкорректное слово. При этом борьба с неполиткорректностью часто метафоризируется, так как общественные движения и СМИ всегда сопровождают нетерпимость, неприятие или страх художественными лозунгами, призванными привлечь внимание публики.

Подробно рассмотрев классификации пародий, мы заключили, что произведения Гарнера, среди которых «Политкорректные сказки на ночь» и «*Once Upon a More Enlightened Time*», являются эксплицитной пародией на социальное явление. При этом работа Дж. Гарнера через призму произведений, хорошо известных большинству как англоязычных, так и русскоязычных реципиентов, освещает современные особенности общества, а также черты политкорректности во всем их многообразном спектре.

Пародии Джеймса Финна Гарнера стали ответом на политкорректность как социальное явление. Изучив более ранние переводы пародий (на примере перевода «Алисы в Стране Чудес» В. Набокова), мы смогли выявить их специфику и заключить, что ранее доместикация была предпочтительной стратегией именно из-за культурно-исторического фона в СССР.

В практической части работы мы выработали собственную семантическую классификацию эвфемизмов, встречающихся в «*Once Upon a More Enlightened Time*». Из 93

единиц, найденных в оригинале работы, автор отдавал предпочтение общественно-культурной, физической и гендерной лексике. Интересно, что расовая и видовая эвфемия в книгах практически не поднимается, хотя представляется, что она получила и продолжает получать наибольшее развитие из всех представленных групп.

Предпочтительной стратегией была признана доместикация, но допускается уместное использование форенизации, обычно выраженной калькированием – некоторые из терминов находят свое отражение в русском языке. Интересен тот факт, что, в отличие от перевода художественной литературы, перевод пародий часто сохраняет политкорректную семантику. Возможно, это связано с тем, что при работе с пародией внимание переводчика фокусируется именно на передаче эвфемистических особенностей оригинала, в то время как остальная художественная литература требует от переводчика внимания в других аспектах.

Кроме того, были отмечены особенности форенизации и доместикации, облегчающие процесс перевода. Так, форенизация призвана сохранить особенности пародируемой политкорректной единицы в оригинале, а доместикация позволяет тексту обрести особенности российской культуры, воспроизводя пародийный эффект оригинала через аллюзии и элементы русского быта в жизни протагонистов.

Стоит также отметить, что ограниченное количество общепринятой в России политкорректной лексики обычно не усложняет процесс перевода – знание западных социальных явлений и связанных с ним понятий позволяют сохранить комический эффект и общую пародийность оригинала. Это, а также приведенные выше особенности доместикации и форенизации, являются теми аспектами перевода пародий, которые необходимо учитывать при работе с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова, Е. Е. Языковые особенности жанровой пародии (на материале русскоязычного литературного дискурса XIX века) / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. – №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-zhanrovoy-parodii-na-materiale-russkoyazychnogo-literaturnogo-diskursa-xix-veka> (дата обращения: 10.06.2020).
2. Арсентьева, Ю. С. Аспекты изучения эвфемизмов в английском и русском языках [Электронный ресурс] / Ю. С. Арсентьева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - 2011. - №127. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-izucheniya-evfemizmov-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Асеева, Ж. В. Лексические средства выражения идеологии политической корректности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Ж.В. Асеева. - Иркутск, 1999. – 17 с.
4. Базылев В.Н. Языковые императивы "политической корректности" [Электронный ресурс] / В.Н. Базылев // Политическая лингвистика. - 2007. - №3 (23). -- Екатеринбург, 2007. -- С. 8-10. - URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/bazylev-07.htm> (дата обращения: 10.06.2020)
5. Беляков, О. А. Большая актуальная политическая энциклопедия : словарь / А. В. Беляков, О. А. Матвейчев. – М. : Эксмо, 2009. – 424 с.
6. Бондаренко, А. В. К вопросу о политкорректности в британской, американской и в российской прессе [Текст] / А. В. Бондаренко // Вестник МГЛУ. - 2012. - №21 (654).
7. Гаджиев, К. С. О феномене политкорректности в контексте кризиса либерализма [Электронный ресурс] / К. С. Гаджиев // Власть. – 2019. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-fenomene-politkorrektnosti-v-kontekste-krizisa-liberalizma> (дата обращения: 07.06.2020).
8. Дьякова, Т. В. Калькирование как способ перевода политкорректных слов и выражений [Электронный ресурс] / Т. В. Дьякова // Lingua mobilis. - 2011. - №5 (31). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalkirovanie-kak-sposob-perevoda-politkorrektnyh-slov-i-vyrazheniy> (дата обращения: 10.06.2020).
9. Иванова, Л. А. Жанр пародии в истории американского юмора второй половины XIX века [Электронный ресурс] / Л. А. Иванова // Вестник НовГУ. – 2014. – №83-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-parodii-v-istorii-amerikanskogo-yumora-vtoroy-poloviny-hix-veka> (дата обращения: 09.06.2020).

10. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / В.Н. Комиссаров // – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
11. Корнаухова, Н. Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием [Электронный ресурс] / Н. Г. Корнаухова // Вестник ИГЛУ. -2011. - №3 (15). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-strategii-v-aspekte-manipulyatsii-soznaniem> (дата обращения: 10.06.2020).
12. Крылов, В.Н. Лев Толстой и комическая традиция в русской литературе серебряного века / В. Н. Крылов // Гуманитарный научный журнал. – 2018. – №1-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lev-tolstoy-i-komicheskaya-traditsiya-v-russkoy-literature-serebryanogo-veka> (дата обращения: 09.06.2020).
13. Кэрролл, Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Набоков, В. Аня в стране чудес [Текст] /Л. Кэрролл, В. Набоков ; повесть-сказка ; на англ. и русск. яз. – М.: Радуга, 1992. – 317 с.
14. Лазаревич, Е.М. Употребление эвфемизмов с функцией политкорректности в публицистических текстах (на материале английского языка) [Текст] / Е.М. Лазаревич // Вестник Томского государственного университета. – 2014. - №378. – С. 25-29.
15. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
16. Латышев, Л.К. Технология перевода : уч. пос. по подготовке переводчиков [Текст] / Л.К. Латышев. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.
17. Лушникова, Г. И. Лингвостилистические особенности жанровых типов англоязычной литературной пародии [Электронный ресурс] / Г. И. Лушникова // Вестн. Том. гос. ун-та. - 2011. - № 345. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-zhanrovyyh-tipov-angloyazychnoy-literaturnoy-parodii> (дата обращения: 10.06.2020).
18. Майба, В. В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) [Электронный ресурс] / В. В. Майба // Политическая лингвистика. - 2012. - № 2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-yazyka-politkorrektnosti-na-primere-angliyskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 10.06.2020).
19. Малышева, О.Л. К вопросу о функционировании феномена «политическая корректность» [Текст] / О.Л. Малышева, Е.Г. Шидловский // Лингвистика и методика в высшей школе : сб. науч. ст. : в 2 ч. – Вып. 5. – Ч.2. – Гродно : ЮрСаПринт, 2013. – С. 47-52.

20. Мельничук, М.В. Роль перевода и переводчика в условиях глобализации знаний [Электронный ресурс] / М. В. Мельничук, В. М. Осипова // Российский гуманитарный журнал. - 2016. - № 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-perevoda-i-perevodchika-v-usloviyah-globalizatsii-znaniy> (дата обращения: 25.05.2020).
21. Мирзоева, Ф. Р. Политическая корректность как один из определяющих факторов эвфемистических переименований в современном английском языке [Электронный ресурс] / Ф. Р. Мирзоева // МНКО. – 2020. – № 1 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-korrektnost-kak-odin-iz-opredelyayuschih-faktorov-evfemisticheskikh-pereimenovaniy-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 07.06.2020).
22. Никитина, И. Н. Бытовые эвфемизмы в контексте разных языков / И. Н. Никитина [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра РАН. - 2009. - № 4-6. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovye-evfemizmy-v-kontekste-raznyh-yazykov> (дата обращения: 10.06.2020).
23. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 10.06.2020).
24. Палажченко, М. Ю. Политическая корректность в языковой и культурной традиции (на английском и русском материале) : дис. ... канд. культурологических наук: 24.00.01 [Текст] / М. Ю. Палажченко. - Москва, 2004. - 239 с. - РГБ ОД, 61:04-24/159.
25. Парфенова, С. О. Эвфемия и дисфемия речевого переименования [Текст] / С. О. Парфенова. - СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 1997. - 3 с. - Деп. в ИНИОН РАН, № 52983.
26. Пузаков, А. В. Перевод англоязычной политкорректной лексики на русский язык: основные способы и трудности [Электронный ресурс] / А. В. Пузаков, А. Ю. Слугина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2016. - № 11-2 (65). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-angloyazychnoy-politkorrektnoy-leksiki-na-russkiy-yazyk-osnovnyye-sposoby-i-trudnosti> (дата обращения: 09.06.2020).
27. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика [Текст] / Я. И. Рецкер. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
28. Романова, Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) [Электронный ресурс] /Т. В. Романова // Политическая лингвистика.- 2015. - № 2. - URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-i-politkorrektnost-analiticheskiy-obzor-sovremennogo-sostoyaniya-problemy-lingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 09.06.2020).
29. Самарина, И. В. Политкорректность в зеркале переводческих решений в политической коммуникации [Электронный ресурс] / И. В. Самарина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - № 9-1 (75). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politkorrektnost-v-zerkale-perevodcheskih-resheniy-v-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 09.06.2020).
30. Серенков, Ю. С. Разрушение культурного кода рыцарства (на материале американской литературной пародии: Эдгар Фосет, Оскар Фей Адаме) / Ю. С. Серенков // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2008. - №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrushenie-kulturnogo-koda-rytsarstva-na-materiale-amerikanskoj-literaturnoy-parodii-edgar-foset-oskar-fey-adame> (дата обращения: 09.06.2020).
31. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. - М. : Слово, 2000. - 264 с.
32. Тынянов, Ю. Н. О пародии [Текст] / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977. - С. 284-309.
33. Шелестюк, Е. В. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки [Электронный ресурс] / Е. В. Шелестюк, Э. Д. Гриценко // Вестник ЧелГУ. 2016. - № 4 (386). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-forenizatsii-i-domestikatsii-v-perevode-i-vozmozhnostyah-ih-lingvisticheskoy-otsenki> (дата обращения: 10.06.2020).
34. Шляхтина, Е. В. Особенности перевода политкорректной терминологии с английского на русский язык [Электронный ресурс] / Е. В. Шляхтина // Вестник КГУ. - 2014. - № 5. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-politkorrektnoy-terminologii-s-angliyskogo-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 10.06.2020).
35. Шляхтина, Е. В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах : дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 [Текст] / Е. В. Шляхтина. - Ярославль, 2009. - 213 с.
36. Aldridge, K. Slurs often adopted by those they insult [Электронный ресурс] / K. Aldridge // Enquirer. - 2001. - № 5. - URL:

- http://www.enquirer.com/editions/2001/08/05/loc_2slurs_often_adopted.html. (дата обращения: 29.05.2020).
37. Frank, E. Political correctness and the theoretical struggle [Text] / E. Frank. — Auckland : Maxim Institute, 2004.
38. Google [Электронный ресурс]. – URL: <http://google.com> (дата обращения: 10.06.2020).
39. GOV.UK [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/inclusive-communication/inclusive-language-words-to-use-and-avoid-when-writing-about-disability#words-to-use-and-avoid> (дата обращения: 10.06.2020).
40. Robbins, M. How the BBC's dark forces of political correctness threaten the Christian era [Электронный ресурс] / M. Robbins. – The Guardian. – 2011. - URL: <https://www.theguardian.com/science/the-lay-scientist/2011/sep/25/1>.
41. Stand Against Racism [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.standagainstracism.org> (дата обращения: 10.06.2020).
42. The Washington Post [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/08/06/annotated-transcript-the-aug-6-gop-debate/> (дата обращения: 07.06.2020).
43. The Weekly Standard [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.weeklystandard.com/larry-summers-creeping-totalitarianism-on-college-campus/article/2000635>.
44. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (дата обращения: 10.06.2020).
45. United Nations [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/en/letsfightracism> (дата обращения: 10.06.2020).
46. Venuti, L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. Second edition [Text] / L. Venuti . - London and New York : Routledge, 2008. - 337 p.
47. Yang, W. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation [Text] / W. Yang // Journal of Language Teaching and Research. – 2010. – Vol. 1. - No. 1. – P. 77–80.

СЛОВАРИ

1. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 07.06.2020).
2. Linguee. Англо-русский словарь и система контекстуального поиска по переводам [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.linguee.ru> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 10.06.2020).
4. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 07.06.2020).
5. Англо-русский электронный словарь Multitran [Электронный ресурс]. – URL: <http://multitran.ru> (дата обращения: 10.06.2020).
6. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/lavatory> (дата обращения: 10.06.2020).
7. English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/speciesism> (дата обращения: 10.06.2020).
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е издание, исправленное и дополненное. – М. : Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.
9. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка : в 2-х т. [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.
10. Русова, Н. Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба [Текст] / Н. Ю. Русова. – М. : Флинта, Наука. 2004. – 301 с.
11. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний [Текст] / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт [и др.], 2008. – 1239 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Сивко, С. Красная шапочка [Электронный ресурс] / С. Сивко // URL: <https://ya-yasek.livejournal.com/6221.html> (дата обращения: 10.06.2020).
2. Сивко, С. Новое платье короля [Электронный ресурс] / С. Сивко // URL: <https://q-lab.livejournal.com/1692.html> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Сивко, С. Три поросенка [Электронный ресурс] / С. Сивко // URL: <https://q-lab.livejournal.com/1940.html> (дата обращения: 10.06.2020).
4. Чхартишвили, Г. Красная шапочка [Электронный ресурс] / Г. Чхартишвили // URL: <https://ya-yasek.livejournal.com/6221.html> (дата обращения: 10.06.2020).
5. Garner, J. F. Once Upon a More Enlightened Time: More Politically Correct Bedtime Stories [Текст] / J. F. Garner. - Macmillan Publishing Company. – 1995. – 165 p.
6. Garner, J. F. Politically correct bedtime stories [Текст] / J. F. Garner. -London: Macmillan Publishing Co. – 1994. – 103 p.
7. Livejournal. Раупнцель [Электронный ресурс]. URL: <https://cost.livejournal.com/185206.html> (дата обращения: 10.06.2020).